

ВОЙНА ЗА ПРАВО

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ИВ. МИТРОПОЛЬСКАГО.

Въ Токио (Японія) въ день объявленія войны Германіи.

ПАССАЖИРЪ

ВЫПУСКЪ 3-й

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, Фанагорійская (бывш. Нѣмецкая ул.),
д. 13, кв. 16. Телефонъ 2-54-65.

ПАДЕНІЕ АНТВЕРПЕНА.

Пылай святое чувство мщенья,
Будь месть страшна и жестока,
Нѣтъ снисхожденья, нѣтъ прощенья,
Рази врага бойцовъ рука.
Антверпенъ палъ, враги ликуютъ,
Увелъ войска герой-король,
Но сердцемъ съ нимъ весь міръ тоскуетъ,
Но въ каждомъ сердцѣ—скорбь и боль.
Геройскій духъ сраженъ машиной,
Подъ ревъ чудовищъ гаубицъ,
И вотъ—Антверпенъ сталъ руиной,
Гробницей новой средь гробницъ.
Но не раздавленъ въ вихрь бури
Тевтона злобнаго пятой
Народный духъ, какъ блескъ лазури
Непобѣдимый и святой.
Настанетъ часъ,—и съ новой силой,
Воспрянетъ онъ, забудетъ боль,
И пронесетъ надъ могилой
Вновь кличъ: «Свобода и король».

Бельгіецъ.

ВОЙНА 1914 ГОДА.

Статья В. Обнинскаго.

Всякій знаетъ, что смерть неизбежна, но мало кто любитъ думать о ней. За послѣдніе годы всякій зналъ, что европейская война неизбежна, но гналъ отъ себя эту мысль, потому что война заранѣе таила въ себѣ смерть одного изъ столкнувшихся міровъ. Поэтому въ роковой день 1 августа (н. с.) 1914 года, огромное большинство мирнаго населенія странъ, нынѣ ставшихъ подъ ружье, мало было подготовлено къ воспріятію истины. Тамъ, за стѣнами казармъ, стрѣльбищъ, пушечныхъ заводовъ и военныхъ управленій, изъ года въ годъ, шла упорная работа, и шумъ ея долеталъ до народнаго слуха. Но только когда изъ-за этихъ стѣнъ выступили и потянулись къ границамъ миллионы вооруженныхъ людей, впитывая въ себя и тѣхъ, что спокойно стояли еще наканунѣ за рабочими станками или брели за плугами,—только тогда поняли люди, что война стоитъ у изголовья мира. И какъ часто бываетъ при разлукѣ, что обязательныя хлопоты успокаиваютъ, отвлекаютъ думу о грядущемъ, такъ и заботы о жертвахъ войны, о поддержкѣ оставшихся и о сохраненіи матеріальныхъ силъ государства пока еще отвлекаютъ общественное вниманіе отъ полей сраженія. Но грохотъ орудій доходитъ до насъ все чаще, и каждый прибывшій раненый связываетъ насъ съ боемъ, какъ нить телеграфа. Нарастаетъ интересъ

къ боямъ, къ маневрамъ арміи, къ ихъ командирамъ, тотъ чисто-военный интересъ, который требуетъ хотя бы элементарныхъ воинскихъ знаній. Невѣжество въ этомъ дѣлѣ и есть причина необоснованныхъ страховъ, съ одной

На войну.

стороны, и надежды на легкую и скорую побѣду—съ другой. Нѣсколько общихъ соображеній, здѣсь высказываемыхъ, можетъ быть, помогутъ мирному читателю разобраться въ событіяхъ, которыя разворачиваются съ чрезвычайной яркостью и быстротой.

* * *

Не одни поиски новыхъ рынковъ или колоній заставляли Германію готовиться къ войнѣ. Русскій Востокъ не менѣе азіатскаго могъ долго еще поглощать продукты

германской промышленности. На русских землях выходцы изъ Германіи находили гостепріимство и отношеніе, какого не знали подчасъ и аборигены. Нѣтъ, главнымъ факторомъ разразившейся войны нужно считать пангерманскую идею. Ея передовымъ отрядомъ было офицерство, съ прусскимъ королемъ во главѣ, и прусское юнкерство. А ужъ за ними послушно и съ вѣрой шла имперія, крѣпко сколоченная Бисмаркомъ. Панславизмъ, которымъ запугивали плохо разбиравшуюся въ Weltpolitik массу, служить только агитаціоннымъ средствомъ для выманиванія у рейхстага денегъ на военныя затѣи, и въ его реальность едва ли вѣрили сами творцы нынѣшней катастрофы. Стремленіе Пруссіи къ гегемоніи, въ связи съ ростомъ военныхъ бюджетовъ всѣхъ странъ, и дѣлало европейскую войну неизбежной. Чѣмъ смѣлѣе продвигался германскій форпостъ—Австрія—на Балканы и чѣмъ уступчивѣй была Россія, тѣмъ очевиднѣй выступалъ призракъ столкновенія народовъ, ибо *безкровной* побѣды Германіи не могъ принять цивилизованный міръ. Наступало, наконецъ, такое время, когда дальнѣйшее откладываніе войны дѣлалось равно опаснымъ для обѣихъ группировокъ державъ. И если бы возможно было учесть всѣ шансы будущей войны и взвѣсить силы обѣихъ группъ, то та изъ нихъ, которая сочла бы себя значительно болѣе сильной, должна была бы избрѣсти «casus belli». Судьбѣ угодно было помочь въ этомъ отношеніи тройственному союзу. Убійство Франца-Фердинанда сразу подогрѣло шовинизмъ Австріи; смерть русскаго посла въ Бѣлградѣ, творца недолго прожившаго балканскаго союза, рабочее движеніе въ Россіи, ульстерскій вопросъ въ Англіи и борьба партій во Франціи,—все, казалось, складывалось удачно для нанесенія новаго удара по все той же линіи наименьшаго сопротивленія—на Балканахъ. Въ защиту Сербіи Россіей не хотѣлось вѣрить; а если бы послѣдняя и ринулась въ войну, то вотъ какъ представляли себѣ обстановку наши противники. Сербія легко и скоро разбита австрійской арміей, которая пере-

правится затѣмъ въ Галицію, предоставивъ Болгаріи добывать своихъ братьевъ. Румынія идетъ за своимъ Гогенцоллерномъ на помощь Австріи. Италія вѣрно исполняетъ долгъ союзницы и обрушивается на Францію. Англія уклоняется отъ войны, а Бельгія молча пропускаетъ германцевъ къ Парижу. Все кончается въ одинъ, два мѣсяца, и вотъ—восточное полушаріе крѣпко зажато въ когтяхъ германскаго орла.

Перспектива была такъ соблазнительна, что люди словно ослѣпли и не смогли разобратъся даже и въ тѣхъ сторонахъ общаго положенія вещей, которыя явно противорѣчили этимъ оптимистическимъ расчетамъ. И даже самое главное—всеобщая ненависть къ военщинѣ, непереносимость военнаго времени, отвращеніе къ прусской самонадѣянности, презрѣніе къ вооруженному филистерству современной Германіи, т.-е. наиболѣе объединяющія чувства не были учтены военными партіями Вѣны и Берлина.

Что произошло на дѣлѣ, какъ перестроились всѣ планы, теперь хорошо извѣстно. Но какъ бы ни благопріятна была для насъ конъюнктура, вопросъ о будущемъ ходѣ войны все же не можетъ не волновать. Вызванная непомѣрнымъ ростомъ милитаризма, которымъ былъ скованъ прогрессъ европейской культуры, война уже стала міровой; возможно, что въ нее вовлечется большинство изъ остающихся пока нейтральными государствъ, не выключая и С.-А. Соединенныхъ Штатовъ. Задача этой войны двойственна: одна часть, общая, а потому и ускользящая изъ вниманія, заключается въ сверженіи антикультурныхъ началъ, будетъ ли то милитаризмъ или политическая реакція. Другая, безконечно болѣе сложная,—въ разверстаніи европейской карты *по національному принципу*. Намъ, русскимъ, кажется, что въ основѣ войны лежитъ борьба за существованіе славянства, но нетрудно видѣть, что борьба эта является лишь детальною. И это-то и даетъ намъ нѣкоторое понятіе о самыхъ размѣрахъ катаклизма. Распадъ Австрійской имперіи и переустройство славянскаго міра—вѣдь,

Бой подъ Львовомъ.

Корпусъ генерала Радко-Дмитріева идетъ въ штыки на австрийцевъ.

это самъ по себѣ колоссальный вопросъ, способный занять жизнь и труды не одного поколѣнія людей! Наконецъ, война принесетъ и полное перемѣщеніе экономическаго преобладанія въ Европѣ изъ однихъ рукъ—германскихъ, въ другія—англо-саксонскія. Необъятность всѣхъ этихъ горизонтовъ и лежитъ въ основѣ почти всеобщаго недоумѣнія, которое всякій можетъ теперь наблюдать. Сколько времени продолжится война? Кто будетъ мирить? Какъ остановить германскихъ безумцевъ? Кто скорѣе разорится? Кто сильнѣе? Представляютъ ли себѣ дипломаты всѣхъ странъ условія будущаго мира? Выдержимъ ли, наконецъ, мы, русскіе, бѣдствія войны, останется ли послѣ нея все такъ же объединеннымъ? И т. д.

Ясно, что на большинство такихъ вопросовъ никто не можетъ дать исчерпывающаго отвѣта. Но хотя мы и сводимъ нашу задачу къ войнѣ, какъ таковой, къ выясненію нѣкоторыхъ техническихъ ея условій, все же намъ придется попутно высказаться и по поводу намѣченныхъ общихъ условій переживаемаго момента.

* * *

Изобрѣтеніе нарѣзного оружія расширило во много разъ поле сраженія и вызвало соотвѣтствующее численное увеличеніе армій *). Невозможность имѣть и содержать такія арміи изъ профессиональных воиновъ привела къ принципу всеобщей воинской повинности, короткимъ срокамъ службы и созданію огромныхъ контингентовъ изъ запасныхъ и ополченцевъ. Соотвѣтственно расширились и усложнились всѣ вспомогательные виды войска и его управленія, особенно интендантства. Безудержный и быстрый ростъ военной техники, изобрѣтенія въ области металлургіи и электротехники, не говоря уже о вновь

---

*) Война еще только разгорается, а уже фронты боевъ занимаютъ по 200—300 верстъ, въ то время какъ Бородинскій (до введенія нарѣзного оружія) велся на протяженіи всего 7¹/₂ верстъ.

народившихся авіації и радіотелеграфірованіи, поощрялъ все новыя увеличенія европейских армій. Такимъ образомъ, и безъ политическихъ импульсовъ арміи росли и вбирали въ себя рабочую молодежь, къ ущербу для мирнаго труда. Но политическіе мотивы раздвинули рамки милитаризма до такихъ предѣловъ, что дальше, казалось, некуда было итти. Огромная масса людей такъ или иначе соприкасалась съ милитаризмомъ; между резервистомъ, пахавшимъ свой участокъ, и военнымъ министромъ устанавливалась непрерывная, живая связь. Безъ преувеличенія можно сказать, что *все мужское населеніе современной Европы было захвачено въ лапы этого Молоха, работало на него и отъ него же ждало освобожденія.*

Организація современной арміи поэтому не менѣе сложна, громоздка и тонка, нежели организація всей гражданской жизни. При видѣ идущаго полка или плывущаго броненосца мало кто отдастъ себѣ отчетъ въ размѣрахъ работы и числѣ людей, стоящихъ за кулисами, подготавливающихъ, строящихъ, содержащихъ эти живыя боевыя единицы. Объявить войну, значитъ въ кратчайшій срокъ привести всѣ эти единицы въ боевой видъ и перекинуть ихъ на мѣсто сраженія. Поэтому *вся жизнь государства и останавливается. Всѣ пути заняты, всѣ люди призваны или биться, или помогать правительству въ экстренной работѣ. Всѣ учрежденія, банки, промышленныя предприятия, сельскія хозяйства такъ или иначе должны реагировать, какъ бы далеки отъ войны ни были они по разстоянію или роду дѣятельности. Мирная жизнь на полномъ ходу останавливается могучимъ тормазомъ войны, и мало мудренаго, что подвижной составъ этого поѣзда испытываетъ рядъ толчковъ, а отдѣльные вагоны сходятъ съ рельсъ.*

Въ войнѣ коалиціонной такой толчокъ испытываетъ сразу рядъ государствъ, и разрывъ связующихъ ихъ экономическихъ нитей еще болѣе осложняетъ положеніе воюющихъ народовъ. Живой организмъ борется однако со вся-

Видъ въ Карпатахъ черезъ которые перешли наши войска.

кими недугами; и чѣмъ онъ жизнеспособнѣй, тѣмъ быстрѣй организуется и помощь общества. Въ этомъ отношеніи Россія блестяще выдерживаетъ тяжелое испытаніе. Еще не было мѣсяца со дня объявленія войны, еще не ушли послѣдніе эшелоны войскъ, а у насъ уже были два мощныхъ союза—городовъ и земствъ, готовые къ борьбѣ съ болѣзнями и экономическими затрудненіями. Выдерживаемъ мы и военный экзамень.

За тѣми распрями и неурядицами, которыми была полна русская жизнь за послѣднее десятилѣтіе, мы проглядѣли большую работу военного министерства; и только видъ уходящихъ на Западъ войскъ, быстрота и порядокъ мобилизаціи указали намъ на готовность, которой, повидимому, не ожидали и наши враги. Поднять на ноги, снабдить всѣмъ нужнымъ и перебросить за полторы тысячи верстъ армію въ нѣсколько милліоновъ штыковъ,—это уже есть самъ по себѣ подвигъ и залогъ побѣдоносной войны. Не слѣдуетъ забывать, что наступающая армія, каковой съ самаго начала войны оказалась русская, не можетъ рассчитывать, что найдетъ повсюду провизію и фуражъ, такъ какъ отступающій противникъ можетъ ихъ уничтожить за собой; поэтому вопросъ о снабженіи войскъ пищей неизбежно усложняетъ движеніе и нѣсколько замедляетъ его. Вотъ въ какомъ отношеніи надлежитъ запастись и нѣкоторымъ терпѣніемъ.

Для мирнаго человѣка вопросъ войны всегда простъ: его армія ищетъ вражескую и онѣ бьются. Невольно суживая размѣры частей (ибо кто ясно рисуетъ себѣ маневры двухмилліонной арміи, хотя каждый видалъ, сколько мѣста занимаетъ полкъ или батарея) и пространство, мы отказываемся думать о томъ, что границы государства тянутся на многія сотни верстъ, и что одновременная защита всѣхъ пограничныхъ пунктовъ заставила бы распылить войска; къ тому же привело бы и стремленіе противника къ одновременному занятію всей пограничной полосы. Современная стратегія усложнилась соотвѣтственно

съ ростомъ арміи и военной техники. Схема расположенія арміи остается всегда одной,—два, три болѣе или менѣе параллельныхъ ряда съ общимъ резервомъ въ пунктѣ, откуда удобно перевести резервъ въ любое мѣсто. Впереди всего расположены кавалерійскія части съ легкой артиллеріей, для развѣдокъ. Слѣдствіемъ такихъ развѣдокъ могутъ быть серьезныя перестроенія фронта арміи; мѣняются иногда и пункты сосредоточенія войскъ; поэтому первый періодъ войны всегда полонъ неопредѣленности и выжиданія. Оставленіе значительныхъ районовъ безъ защиты и, наоборотъ, концентрація войскъ въ мѣстахъ, не имѣвшихъ въ мирное время значенія, есть заурядное явленіе въ этомъ періодѣ. Намъ странно на первый взглядъ оставленіе Калиша, Ченстохова, Лодзи и стягиваніе войскъ къ Млавѣ, но эти маневры могли входить въ планы стратеговъ, которые *не должны* и думать объ отдѣльныхъ городахъ и мѣстностяхъ, какъ полководецъ не долженъ думать объ отдѣльныхъ солдатахъ или офицерахъ арміи. Общій интересъ, общій планъ въ войнѣ, какъ и въ мирѣ, всегда преобладаютъ.

Поэтому не должны удивлять крупныя потери, даже и при развѣдкахъ; боевая единица тоже вѣдь выросла; прежде таковой считалась рота, а теперь батальонъ, даже полкъ. Утрата роты, погибшей на фугасѣ, равняется уtratѣ десятка солдатъ прежняго, но еще очень недавняго времени.

Очевидно, что масштабы эти чрезвычайно измѣнили и самую механику управленія боемъ. Прежде всего измѣнился внѣшній видъ поля сраженій. Пушки не лѣзутъ на возвышенности, а прячутся по лощинамъ и другимъ складкамъ мѣстности. Одѣтыя въ защитныя цвѣта, пѣхотныя части не держатся сплоченными группами, а буквально распылены на огромныхъ пространствахъ, достигающихъ во время большихъ боевъ 100—200 верстъ по одному фронту. Наконецъ, и моральная сторона—духъ сражающихся—подвергается большому испытанію: бездымный порохъ и

разстоянія скрываютъ оружіе, посылающее смерть въ ряды войскъ, а невидимая опасность всегда страшнѣй. Чѣмъ шире и сложнѣе новое веденіе боя, тѣмъ совершеннѣе должны быть способы управленія войсками, полевые телефоны и телеграфы, подъѣзды и переносныя желѣзныя дороги и т. п. Первые передаютъ приказы и несутъ отовсюду вѣсти о перипетіяхъ боя, а послѣднія снабжаютъ сражающихся пищей, снарядами и резервами. Тысячи вагоновъ нужны для того, чтобы обезпечить боевыми припасами зону современнаго боя только на одинъ день. Ясно, что управленіе такимъ боемъ требуетъ не столько боевого вдохновенія, сколько хорошей технической подготовки полководца. Здѣсь же произошла та же эволюція, что и во флотѣ. Парусный военный фрегатъ лавировалъ по вѣтру и отъ его капитана требовалось умѣніе *угадывать*, ловить моментъ для перемѣны парусовъ. Командиръ броненосца XX вѣка держитъ въ рукахъ управленіе безконечно сложнымъ, но точнымъ механизмомъ; и отъ него требуется только *знаніе* и хладнокровіе. Война стала холоднѣе и потому гораздо страшнѣе. Провести въ боевомъ угарѣ полдня, много день, это—одно, а быть подъ огнемъ, идущимъ изъ невидимыхъ пушекъ и ружей въ теченіе 3—4 дней—другое. Пушки собираются теперь въ огромномъ числѣ для обстрѣливанія *площадей*, а не войсковыхъ частей, и послѣднія знаютъ, что на данной площади онѣ все равно не укроются отъ огня непріятеля. Новая система считаетъ, какъ ураганъ, все живое (да и не живое), и даже такъ и называется «ураганной».

Понятно также, что отъ современнаго солдата требуется неизмѣримо больше, чѣмъ прежде, и не только знанія, сноровки, вслѣдствіе введенія новыхъ ружей и тактики боя, но и мужества, умѣнья управлять собой. Армія, солдаты которой обладаютъ личной инициативой, могутъ быть предоставлены себѣ во время боя и не нуждаются въ постоянной командѣ и въ томъ, чтобы командиръ—унтеръ-офицеръ и офицеры—были все время впереди, на

виду,—такая армія имѣетъ лишній шансъ на успѣхъ. Изъ европейскихъ армій, качества эти ниже всего въ германской; германецъ, какъ могъ убѣдиться всякій, бывавшій на его родинѣ, чрезвычайно нуждается въ постоянной указкѣ. Весь строй его жизни расписанъ, и всякая пере-мѣна сбиваетъ его, онъ *легче теряется*, чѣмъ русскій или

Генералъ отъ инфантеріи Н. В. Рузскій.

французъ. Отсюда то пристрастіе германцевъ къ сомкнутому строю, которое отмѣчаютъ всѣ участники войны, и которое влечетъ за собой страшное опустошеніе рядовъ. При затяжной войнѣ обстоятельство это можетъ быть роковымъ для германской арміи, уже теперь пополняемой послѣдними сроками ополченія.

Общая схема расположенія арміи во время войны такова: въ непосредственномъ соприкосновеніи съ против-

никомъ находятся кавалерійскія части, съ конной артиллеріей, пулеметами и конно-полевыми медицинскими и телеграфными частями. За ними слѣдуютъ пѣхотныя колонны, съ пѣшей артиллеріей разныхъ типовъ, съ госпиталями, инженерными частями, осадными орудіями, со штабами, начиная съ дивизіонныхъ и т. д. Все на растущихъ интервалахъ располагаются войска, подкрѣпляя идущія впереди; въ глубинѣ расположенія находится стратегическій резервъ—цѣлая армія, готовая къ движенію на любой пунктъ боевого фронта. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ этого общаго расположенія вкраплены и всѣ остальные, вспомогательныя организациіи военнаго времени, начиная съ вещевыхъ и продовольственныхъ и кончая военно-судной.

* * *

Мы еще не выходили изъ поля сраженія. Соединимъ его воображаемой линіей съ центромъ государства, гдѣ ничего не слышно, и откуда уходятъ послѣднія войска. Крѣпкими нитями связанъ этотъ центръ съ самой передовой цѣпью нашихъ защитниковъ. Отсюда идутъ къ нимъ запасы людьми и снарядами, а отъ нихъ везутъ больныхъ и раненыхъ, которые исчисляются для долгой войны многими сотнями тысячъ. Сообщение съ центромъ, съ главной базой арміи должно быть свободно и въ смыслѣ функционирования—безукоризненно, ибо отъ него зависитъ добрая половина успѣха. Все, что мѣшаетъ этому сообщенію, мѣшаетъ и побѣдѣ, а потому разстройство пассажирскаго и грузового движенія есть неизбежное зло, съ которымъ населеніе должно мириться. Дѣло власти изыскивать обходные пути, прокладывать временныя линіи, устраивать новые порты; но линіи, идущія къ театру войны, остаются до ея конца въ исключительномъ распоряженіи военнаго начальства. Въ этомъ отношеніи лучшая сѣть у Германіи. Извѣстно, что казенное желѣзнодорожное хозяйство давало тамъ ежегодные дефициты, но зато стратегическія цѣли были обслужены, какъ нельзя лучше. Какъ бы фатальна ни была

эта война для Германіи, въ своей желѣзнодорожной сѣти она имѣетъ существенную поддержку.

Черезъ мирныя организаціи городовъ, земствъ, кооперативовъ и поставщиковъ всякаго рода, война тѣсно входитъ во всѣ рѣшительно стороны гражданской жизни государства и даже доминируетъ надъ ними, что всякій можетъ провѣрить по личному опыту и впечатлѣнію.

Весь этотъ механизмъ дѣйствуетъ одновременно и непрерывно; но въ то время, какъ вблизи театра военныхъ дѣйствій работа его напряжена и вся идетъ на армію, въ центрѣ она какъ бы незамѣтна; и однако напрасно было бы сѣтовать на неудобства и убытки гражданского населенія, скажемъ, въ подмосковномъ районѣ, и тогда, когда русская армія будетъ, можетъ-быть, далеко за германской границей.

Убытки эти велики, но не идетъ ни въ какое сравненіе съ потерями населенія боевыхъ зонъ. Какъ бы ни были осторожны свои арміи и великодушны непріятельскія, боевыя зоны обращаются въ пустыню. Современные снаряды разрушаютъ и зажигаютъ всякія зданія, а современная техника боя учитъ уничтожать дороги, мосты, подвижные составы, лѣса и т. п. и при томъ такъ, что восстано-

**Генералъ отъ кавалеріи
А. А. Брусиловъ.**

вление ихъ становится невозможнымъ. Поля топчутся и урожаи исчезаютъ при проходѣ арміи XX вѣка такъ же, какъ и во времена Атиллы, съ той лишь разницей, что у послѣдняго не было такихъ полчищъ, какія двинуты Европой въ битву съ Германской націей. Благо побѣдителю: изъ контрибуціи онъ возмѣститъ нѣкоторую часть убытковъ своего народа; но побѣжденный долженъ разсчитывать только на энергію и терпѣніе будущихъ поколѣній. Нужно еще вырастить это поколѣніе, потому что ближайшая задача войны заключается въ истребленіи *людей*, и весь прогрессъ военной техники устремленъ на эту смертоносную цѣль. Потери людьми выражаются теперь въ сотняхъ тысячъ для отдѣльныхъ, генеральныхъ сраженій, а

Командующій войсками Кіевскаго воен. округа генералъ отъ артиллеріи Н. І. Ивановъ.

для войнъ — въ миллионнахъ; между тѣмъ эти миллионы берутся изъ лучшей молодежи государства, изъ самыхъ здоровыхъ работниковъ; не нужно поэтому удивляться непрерывной вереницѣ поѣздовъ съ ранеными. Нужно заранее знать, что съ войны вернется не менѣе 10—20%, выведенныхъ изъ строя, т.-е. на каждый миллионъ солдатъ около 100—200 тысячъ человекъ. А нужно заранее обезпечить имъ медицинскую помощь, кровь и пищу. Точно также нельзя придавать превалирующаго значенія ни отдѣльнымъ боямъ, ни отдѣльнымъ періодамъ войны. Бываетъ, и русская исторія учитъ насъ этому, что побѣдоносная война приноситъ жалкіе результаты, вслѣдствіе неумѣнья или невозможности постоять.

за себя на мирномъ конгрессѣ; но бываетъ, что и поражение въ полѣ кончается выигрышемъ въ кабинетахъ дипломатовъ. Важенъ общій результатъ войны, и очень понятно, что мы теперь же съ тревогой и надеждой заглядываемъ въ будущее Россіи. Мы участвуемъ въ коалиціонной войнѣ и притомъ неслыханной по числу воюющихъ странъ, по численности армій и по расходамъ. Характеръ такихъ войнъ всегда бываетъ иной, чѣмъ при столкновении двухъ державъ; болѣе общая цѣль вызываетъ иное отношеніе къ войнѣ и вліяетъ на координацію силъ коалиціи. Если эта цѣль реакціонна, какъ было въ войнѣ съ революціонной Франціей, въ концѣ

Начальникъ Штаба Варшавскаго Воен. Округа ген.-лейт. В. А. Орановскій.

XVIII вѣка, то нельзя ждать ни воодушевленія войска, ни проблесковъ военнаго генія у полководцевъ. Если цѣль войны—защита культуры и національной свободы, какъ сейчасъ, то общее настроеніе отличается повышенностью, благородствомъ, а отдѣльныя арміи охотно согласуютъ свои движенія и дѣйствія, не преслѣдуя боевой славы во что бы то ни стало. При такихъ условіяхъ, даже и численное превосходство врага не имѣло бы рѣшающаго значенія. Не слѣдуетъ забывать, что и хищникъ, для котораго война *со встѣми* всегда является войной на жизнь или смерть, можетъ быть воодушевленъ и будетъ биться зло и до конца, удваивая свои усилія и жертвы. Но защита низменной цѣли сама по себѣ слабѣе защиты праваго дѣла, и здѣсь очевидный перевѣсъ на сторонѣ коалиціи.

Важнѣе вопросъ о томъ, кто дольше выдержать войну, вопросъ чисто матеріальнаго характера. Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы понять насколько лучше въ этомъ смыслѣ положеніе коалиціи. Германія уже теперь находится въ блокадѣ; несмотря на то, что на югѣ у нея союзница Австрія и пока нейтральная Италія, а на сѣверѣ—нейтральныя Данія, Голландія и Скандинавія, ея флотъ запертъ, а перечисленныя страны не могутъ помочь ни людьми, ни припасами. Съ другой стороны, Россія имѣетъ неисчерпаемые ресурсы въ Сибири, да и у себя въ центрѣ; Франція и Англія моремъ сообщаются съ колоніями, готовыми ко всякой помощи метрополіямъ, и торговый флотъ ихъ свободенъ въ дѣйствіяхъ. Другими словами: Германія не можетъ получить ни откуда ни одного лишняго вагона или парохода противъ того, что у нея есть въ настоящій періодъ войны и, очевидно, что срокъ истощенія *своихъ* запасовъ можетъ быть заранѣе обозначенъ.

Мы не говоримъ уже объ ограниченности денежныхъ запасовъ, о вліяніи войны на промышленность блокированного государства, ни тѣмъ болѣе о внутреннихъ дѣлахъ, то или иное теченіе которыхъ отражается на ходѣ военныхъ операцій. Эти условія мы для простоты признаемъ равными для обѣихъ сторонъ. Но и того, что несомнѣнно явилось перевѣсомъ коалиціи, довольно, чтобы положительно сказать: *на нѣкоторый промежутокъ времени коалиція дольше вынесетъ войну, нежели Германія* (Австрію какъ-то молча уговорились не считать за серьезный элементъ войны) *).

Но если такъ, то фатальный конецъ неизбѣженъ, и Германія должна сознать его. Передъ нами разыгрывается величайшая изъ міровыхъ катастрофъ,—гибнетъ государ-

---

*) Вслѣдствіе пестраго и необъединеннаго ничѣмъ состава арміи и крайняго истощенія ея ресурсовъ, вызваннаго балканской политикой.

ство, находившееся, повидимому, въ зенитѣ могущества и славы. Гибнетъ самая идея имперіализма, носительницей которой являлась Германія и вліяніе которой сказалось въ политикѣ даже такихъ странъ, какъ С.-А. Соединенные Штаты. Цивилизованный міръ въ страхѣ за судьбы всего человѣчества, за лучшія завоеванія бѣлыхъ расъ, принялъ на себя тяжкую миссію палача, казнящаго враждебное начало и заливающего кровью поля и города, гдѣ долженъ расцвѣсти вѣчный миръ и тѣсное содружество освобождаемыхъ народовъ.

Вотъ одна изъ причинъ жестокости этой войны. Это первая война, которая не можетъ быть прервана на половинѣ, или хотя бы близко къ ея естественному концу. Она должна быть доведена до того, что Германія капитулируетъ безусловно и послѣдняя знаетъ свою судьбу. И

если въ основѣ ея матеріальнаго могущества лежало насилие, безпринципность и презрѣніе ко всему негерманскому, то откуда бы взяла она иныя начала въ моментъ смертельной опасности? Что ей женщины, дѣти, монархи, министры, послы, имущества чужихъ странъ, сокровища искусства и старины, когда она, эта нынѣшняя Германія бронированнаго кулака и попранія законовъ, нисходитъ въ Лету исторіи!

Другая причина заключается въ той врожденной гру-

† Генералъ отъ кавалеріи А. В. Самоновъ.

(Убитъ 18 Авг. 1914 г.).

бости, которой всегда отличались тевтоны и которая такъ же мало прикрывалась внѣшней культурностью, какъ и пресловутой нѣмецкой сентиментальностью. Имперіализмъ въ значительной степени отразился и на положеніи подлинной германской культуры, ея наукъ и искусствъ.

Поэтому мало сказать, что коалиція освобождаетъ міръ отъ Германіи; она освобождаетъ отъ нея и ту нѣмецкую культуру, искусство и науку, которыя или были раздавлены имперіей Бисмарка, или отдали себя ей на служеніе. Зло это должно быть вытравлено навсегда съ европейскаго континента, и полумѣры здѣсь неумѣстны. Никто не долженъ обнаруживать жалости и снисходительности даже и къ сдавшемуся врагу и оставлять въ его рукахъ сѣмянь будущаго роста тѣхъ же антикультурныхъ началъ. И если для этого нужно перекроить всю политическую карту Европы, разрушить германскую и австро-венгерскую имперіи, то коалиція не должна остановиться передъ этимъ. Она вернетъ: Франціи—отторгнутыя въ 1870 году области, Даніи—Шлезвигъ-Голштейнъ, Австрія лишится славянскихъ окраинъ. Обѣ союзницы вернуть Польшу къ ея единству и самостоятельности, и этимъ будетъ ликвидированъ неестественный раздѣлъ царства—очага славянской культуры. Италія получитъ Тренто и Триестъ, Сербія—Боснію и Герцеговину; остальные Балканскія государства, оставаясь нейтральными, также увеличатъ свои территоріи безъ ущерба для чьихъ-либо національных интересовъ.

Вотъ каковы ближайшія перспективы побѣды коалиціи. Слишкомъ очевидно, что ничего подобнаго не можетъ никому ни обѣщать, ни дать Германія. Если представить себѣ возможность разгрома коалиціи, то въ Европѣ должно воцариться царство грубой силы, а заносчивость пруссаковъ выростетъ до гомерическихъ предѣловъ. Вмѣсто мира народы должны будутъ пережить рядъ внутреннихъ потрясеній и революцій, отъ которыхъ не избавится и сама побѣдительница—Германія. Никакая жизнь не станетъ возможной до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе не будетъ

уничтожень германскій гнетъ. Цѣль настоящей войны будетъ только отдалена; достигнуть ее только другими средствами и другими людьми, только и всего.

Отодвинется и наша, русская задача раскрѣпощенія славянскихъ народностей. Германія любила пугать Европу

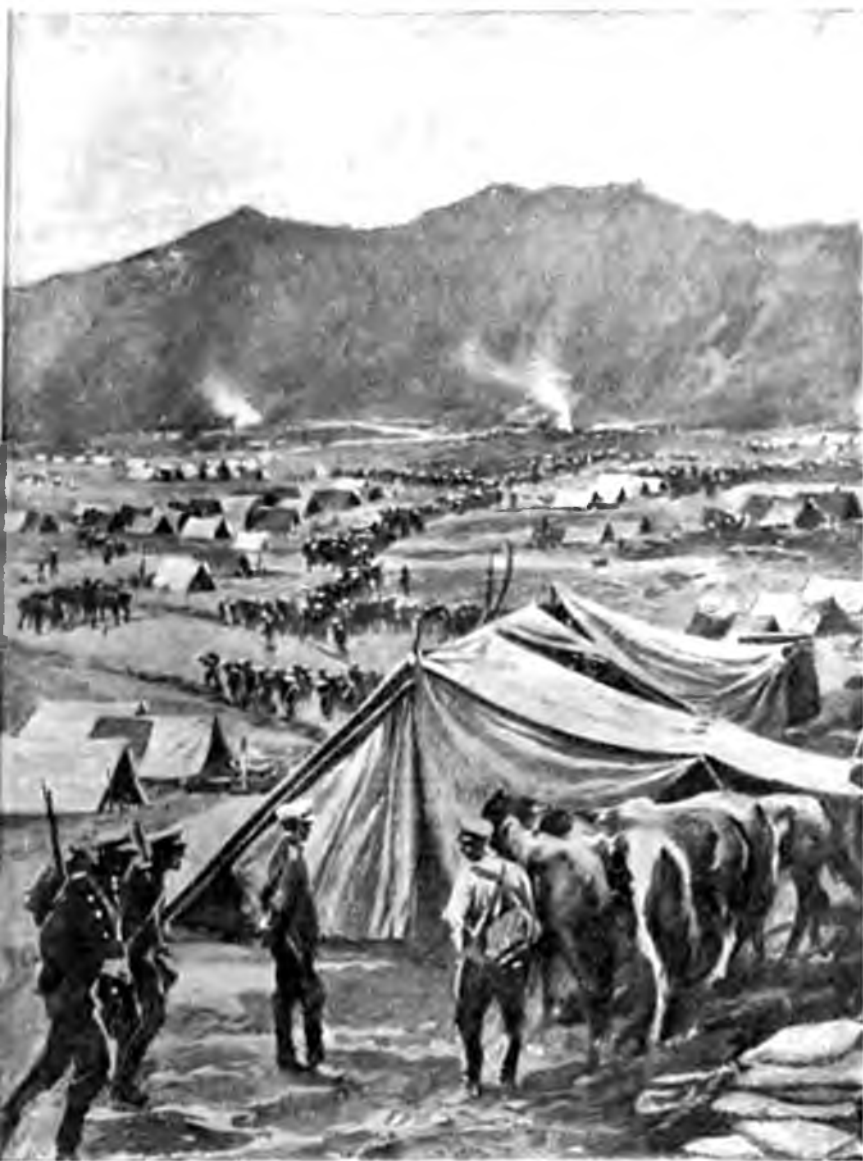
Французская пѣхота у своихъ окоповъ.

славянской опасностью, но только невѣжество или близорукость могли бы создавать реальную вѣру въ ея существованіе. Славянство, прежде всего, *навсегда* отстало отъ Западной Европы въ экономическомъ отношеніи, а для послѣдней въ этомъ и лежалъ бы центръ опасности. Россія, Балканы, Придунайскія области,—все это, за исключеніемъ, быть можетъ, Чехіи, будетъ на долгіе вѣка служить рынкомъ для европейскихъ товаровъ и полемъ для работы культуртрегеровъ изъ западныхъ странъ.

Остается, слѣдовательно, призракъ нашествія вооружен-

ныхъ по-современному «варваровъ»—славянъ. Но и такой опасности не существуетъ. Россія была *первымъ* государствомъ, призвавшимъ Европу къ разоруженію. Теперь всѣмъ ясно, почему Германія противодѣйствовала этому почину и на всѣхъ конференціяхъ въ Гаагѣ тормозила дѣло мира. Но оно должно быть доведено до конца и послѣ того, какъ гнѣздо милитаризма будетъ разорено, Россія будетъ несомнѣнно вновь настаивать на разоруженіи; иначе она противорѣчила бы сама себѣ и была бы приведена къ послушанію Европой, уставшей подъ игомъ военщины. Да никто и не вѣрить въ воинственные замыслы государства, территорія котораго обратно пропорціональна его внутреннему порядку. Движеніе на Западъ невозможно для насъ; на Востокѣ мы получили подтвержденіе того же, дорого заплативъ за урокъ. Остаются среднеазиатскія мелкія государства, да часть Малой Азіи, тяготящая къ одноименнымъ русскимъ окраинамъ. Но даже и полное ихъ присоединеніе къ имперіи не грозитъ ничѣмъ интересамъ, ибо срокъ приведенія всего этого имущества въ порядокъ безпредѣленъ.

Могутъ сказать, что миролюбіе русскаго народа не подлежитъ сомнѣнію, но что всегда можетъ найтись правительство, которое вовлечетъ народъ въ новый порывъ къ захватамъ, къ вооруженіямъ. Время для этого, однако, миновало. Русскія представительныя учрежденія, даже и въ современной своей формѣ, являются регуляторомъ государственной жизни, и значеніе ихъ послѣ объявленія войны возросло и укрѣпилось. Было бы ошибкой предполагать, что этимъ дѣло и кончится, и что успѣшная война вернетъ насъ къ началамъ, издревле мѣшавшимъ духовному и политическому росту Россіи. Съ одной стороны народъ,—и въ лицѣ своихъ представителей, и въ общей массѣ,—показалъ исключительное пониманіе момента; онъ сплотился для нанесенія удара врагу родины, отбросивъ для этого и свои насущныя нужды, и свои внутренні споры. Нельзя себѣ представить правительства, которое,

Привалъ нашихъ войскъ въ Венгріи, за Карпатами.

принявъ къ учету такого рода вексель, своевременно не оплатило бы его, такъ какъ оно было бы принуждено къ этому совокупностью многихъ факторовъ. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы это осуществилось, т.-е. продолжалась бы пагубная политика послѣдняго времени и пассивное отношеніе къ ней народа,—та же Европа не могла бы потерпѣть образованія рядомъ съ собой реакціоннаго гнѣзда, и ея общественное мнѣніе вылилось бы въ формѣ, достаточно внушительной для того, чтобы забылись изжитыя формы правленія. Новыя обязанности, принятыя по отношенію къ Польшѣ, логически приводятъ къ утвержденію старыхъ финляндскихъ гарантій и къ коренному пересмотру всѣхъ окраинныхъ и областныхъ вопросовъ. До сихъ поръ «идея всеобщаго раскрѣпощенія народовъ и областей не однимъ голымъ провозглашеніемъ отмѣны стѣсненій, а созданіемъ положительныхъ формъ нестѣсненнаго развитія областной и національной жизни, не находила сколько нибудь серьезнаго отзвука».

Теперь же «повидимому, настаетъ время справедливаго учета роли національнаго элемента въ культурной и общественной жизни» *). Словомъ, сама жизнь заставить заняться такимъ переустройствомъ всего государственнаго организма, что ни о реакціи, ни о возвратѣ къ прошлому, ни о завоевательныхъ авантюрахъ не будетъ ни времени, ни возможности думать. За Россіей надолго останется и безъ того тяжелая миссія: быть заслономъ Европы отъ азіатскаго Востока. Тамъ и придется, можетъ-быть, держать сколько-нибудь значительную армію, но въ Европейской Россіи, при условіи международнаго надзора надъ Германіей, можно будетъ ограничиться одними кадрами.

Трудно даже представить себѣ, что можетъ принести намъ разоруженіе, въ связи съ прекращеніемъ продажи вина. Въ 5—10 лѣтъ страна будетъ неузнаваема. Народъ потеряетъ

---

*) М. Грушевскій, «Очередной вопросъ». Журналъ «Народы области», № 1, 1914.

Привалъ болгаро-турецкихъ четниковъ, разгромленныхъ недавно сербскими войсками въ Македоніи.

свой бѣдный, приниженный обликъ, и судьбы его перестанутъ зависѣть отъ вліяній случайныхъ лицъ и обстоятельствъ. Избавившись отъ матеріальной нищеты, онъ не утратитъ высокихъ чертъ своего облика, потому что не въ бѣдности и рабствѣ вырабатывались эти черты, а въ свободѣ и самоуправленіи, въ борьбѣ съ суровой природой и азіатскими ордами. Достоинъ ли великой націи сохранять въ нашемъ вѣкѣ пережитки крѣпостной зависимости и топить тяготу жизни въ винѣ? Какихъ жертвъ ни принесешь, чтобы однимъ разомъ избавиться отъ тяжелаго наслѣдія прошлаго? И если война, вспыхнувшая не по нашей винѣ и инициативѣ, окажется тѣмъ горниломъ, въ которомъ перекипитъ и испарится все то, что мѣшало возрожденію Россіи, то не будетъ ли эта война оправдана исторіей и не смягчатся ли ужасы ея грядущимъ благомъ? Въ исторіи Россіи не было еще эпохи, когда бы радикальная перемѣна всего строя жизни совершалась съ такой молніеносной, волшебной быстротой. Впрочемъ, только славянскія государства испытаютъ это прекрасное превращеніе. Остальные члены міровой коалиціи давно пользуются всѣми благами культуры и политической свободы; отъ успѣха войны зависить только поддержаніе и развитіе этихъ благъ, а для славянъ они возникаютъ вновь, потому что древняя свобода давно забыта ими.

Есть въ этой войнѣ еще одинъ показатель ея исключительнаго значенія. Это—участіе въ ней социаль-демократіи. Основной признакъ послѣдней—интернаціонализмъ—исчезъ въ тотъ моментъ, когда загремѣли первыя нѣмецкія пушки. Вокругъ правительствъ и офицеровъ, вчерашнихъ враговъ и глубочайшихъ политическихъ антагонистовъ, объединились злѣйшіе противники всякаго насилія, всякаго империализма. Если еще французскіе, британскіе и русскіе социаль-демакраты выступаютъ въ защиту высокихъ принциповъ своей партіи, пожираемыхъ прусскимъ солдатомъ, то чѣмъ объяснить и оправдать поведеніе ихъ нѣмецкихъ товарищей? Что выиграютъ они въ случаѣ побѣды Герма-

ни, какъ не собственное свое пораженіе, надолго и безъ надежды на сочувствіе зарубежныхъ братьевъ? И однако оправданіе для такого поведенія есть.

Тщетно бороться противъ началъ, связующихъ людей въ націи. Формы мозга, составъ крови, размѣры костяка вліяютъ на образованіе національныхъ типовъ не менѣе сильно, чѣмъ внѣшнія условія жизни. И эти первичные признаки громко заявляютъ о себѣ въ тотъ часъ, когда народу грозитъ смертельная опасность. За этой реальной опасностью исчезаютъ эфемерные контуры далекихъ социалистическихъ идеаловъ, и вчерашніе братья по духу берутся за оружіе, чтобы избивать другъ друга.

Принявъ войну, социаль-демократія подчеркнула ея міровое значеніе. Война была начата ради ограниченной и грубой цѣли—укрѣпленія германской мощи; но помимо воли ея инициаторовъ, она стала войной за національныя начала, за сохраненіе и укрѣпленіе національныхъ организмовъ. Двѣ имперіи рискуютъ погибнуть въ этой войнѣ; но германская нація не погибнетъ. Освобожденная отъ прусскаго засилья и отъ навязанной ей политики, она займетъ свое мѣсто, и мѣсто почетное, среди другихъ членовъ европейской семьи. Грядущій вѣкъ и долженъ быть вѣкомъ національныхъ культуръ, самоутвержденія національностей. Объединеніе ихъ въ одну массу, уничтоженіе національнаго лица, если это можетъ быть вообще идеаломъ человѣчества и не противно законамъ природы, остается столь же утопической, безконечно отдаленной цѣлью, каковой она была и доселѣ; и социаль-демократія (какъ впрочемъ и всякая иная партія) сумѣетъ пересмотрѣть свой символъ вѣры, чтобы согласовать его съ живой задачей вѣка. Классовая борьба не скоро кончится, но она приметъ новыя формы, которыя будутъ въ соотвѣтствіи съ лозунгами новой человѣческой эры—*мира и труда*.

Народы Европы оказались бы ниже своей славы, если бы въ этотъ часъ исключительнаго напряженія силъ утратили спокойствіе, пожалѣли бы средствъ и людей для заверше-

нія войны, или отказали бы въ дальнѣйшемъ довѣріи тѣмъ правительствамъ, которыя волею судьбы застигнуты войною у власти.

Въ частности, мы, русскіе, можемъ и при скудости вѣстей съ театра войны видѣть, съ какой строгой выдерж-

Первый Георгіевскій Кавалеръ казакъ Косьма Крючковъ.

кой и систематичностью развертываются операціи нашихъ армій на всемъ фронтѣ.

Мы можемъ также надѣяться, что войска наши, при всемъ раздраженіи, какое вызываютъ насилія германцевъ, не увлекутся чувствомъ мщенія, и на совѣсти Россіи не останется ничего, напоминающаго о духовномъ варварствѣ, которымъ навсегда будетъ запечатлѣна исторія Германіи XX вѣка.

Исполнивъ свой тяжелый долгъ, русская армія растворится въ пославшемъ ее народѣ, не внося въ его самосознаніе воинствующихъ началъ. Напротивъ, воочію убѣдившись въ превосходствѣ многихъ сторонъ европейской жизни, русскіе солдаты невольно будутъ служить орудіемъ куль-

туры и цивилизации, въ которыхъ такъ еще нуждается Россія.

Такимъ образомъ, начало и конецъ войны соприкасаются съ той основной задачей мира и труда, которой только и можетъ посвящаться дѣятельность народовъ. Въ этомъ и есть нравственное самооправданіе того страшнаго дѣла, которое будетъ занимать первое и послѣднее мѣсто въ исторіи европейскихъ войнъ. Первое—по упорству и числу жертвъ, и послѣднее—какъ конецъ эпохи милитаризма.

В. Обнинскій.

Поворово 17 авг. 1914 г.

Укрѣпленія Константинополя.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ КОЛЕСО И КОЛЕСО ИСТОРИИ.

Наше положеніе на театрѣ войны сводится къ двумъ фазамъ:

1) энергичному наступленію на южномъ, австрійскомъ фронтѣ, съ занятіемъ Бродъ, Львова, Томашова, Сандомира, Самбора, Ярослава, съ открытіемъ нашей арміей свободныхъ подступовъ къ Кракову, переходомъ черезъ Карпаты, окруженію крѣпости Перемышля, и

2) къ задержкѣ непріятеля на сѣверномъ, германскомъ, фронтѣ, связанномъ съ очищеніемъ въ началѣ сентября занятой было нашими войсками Восточной Пруссіи. Оба эти движенія, какъ бы согласованныя одно съ другимъ, какъ бы совершающіяся по радіусу, центръ котораго лежитъ гдѣ-то за Варшавой, напоминаютъ собой первый размахъ двинувшагося огромнаго махового колеса, которому данъ толчокъ снизу вверхъ.

И дѣйствительно, это начинаетъ поворачиваться колесо всемірной исторіи.

Натискъ на двуединую Австро-Венгрію, и, обратнымъ ходомъ,—разгромъ въ будущемъ вытянутыхъ въ предѣлы Россіи германскихъ полчищъ, при чемъ радіусъ этого вращающагося колеса долженъ захватить въ своемъ сокрушительномъ движеніи и Берлинъ.

Такъ графически и механически можетъ быть изображенъ стратегическій ходъ развитія этой великой битвы народовъ на Русско-Германско-Австрійскомъ фронтѣ, который, ко-

нечно, не могут измѣнить никакіе отдѣльные частные эпизоды второстепенныхъ и третьестепенныхъ боевъ, диверсій, стычекъ, развѣдокъ, тактическихъ наступленій и отступленій и такъ далѣе.

Мирному обывателю, конечно, хочется, чтобы война кончилась побѣдоносно и возможно скорѣе, и потому въ нашемъ движеніи въ Восточную Пруссію съ занятіемъ ряда второстепенныхъ городовъ, какъ-то Инстенбургъ, Пильканенъ, Эйдкуненъ, Тильзитъ, Остерроде и даже нѣкоторыхъ фортвъ Кенигсберга, лица не компетентныя въ военномъ дѣлѣ и не знакомыя съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей могли видѣть приближеніе рѣшительнаго удара по Германіи именно съ этой стороны и приближеніе благополучной развязки.

Такой совершенно штатскій или, вѣрнѣе, обывательскій взглядъ на положеніе момента подсказывался и взглядомъ на географическую карту.

Карта краснорѣчиво и рѣшительно говоритъ, что отъ Ковно до Берлина черезъ Кенигсбергъ—кратчайшее разстояніе.

И вотъ всякому ставшему волей судьбы «стратегомъ» это кратчайшее разстояніе въ связи съ быстрымъ движеніемъ нашихъ войскъ въ глубь Восточной Пруссіи подсказывало заманчивую надежду.

А можетъ быть, такъ же быстро будетъ занять и Берлинъ, и за утреннимъ чаемъ вмѣстѣ съ филипповскимъ калачомъ свѣжая утренняя газета поднесетъ намъ вмѣсто масла къ этому калачу извѣстіе о занятіи Берлина и, вмѣстѣ съ этимъ, увѣренность въ скоромъ окончаніи войны?

Но войны, а тѣмъ болѣе міровой, не рѣшаются такъ скоро, и пусть ошибочность такого обывательскаго взгляда, совершенно невяжущагося съ военными соображеніями, докажетъ намъ та же карта.

Что такое Восточная Пруссія? Вотъ она, врѣзавшаяся въ видѣ языка, клиномъ, въ русскую территорію западнаго края, испещренная рядомъ озеръ съ узкими проходами

между ними, замкнутая на западъ, по дорогѣ къ Берлину, широкой лентой Вислы съ ея рукавами, усиленной рядомъ-крѣпостей, кромѣ Кенигсберга еще Данцигомъ, Мариенбургомъ, Грауденцемъ, Кульмомъ и Торномъ.

Эта Восточная Пруссія представляетъ изъ себя ни что иное, какъ настоящій плацдармъ, настоящую крѣпость, тщательно приготовленную къ войнѣ съ Россіей въ продолженіе десятильѣтъ.

Не забудьте при этомъ, что самъ Вильгельмъ Кровавый,—этотъ эпитетъ принадлежитъ ему уже исторически,—въ бытность свою еще кронпринцемъ, и сдавая военный экзамень въ военной академіи, писалъ свое выпускное сочиненіе на тему:

«Война съ Россіей и роль въ этой войнѣ нашего заслона—Восточной Пруссіи».

Для того, чтобы взять Восточную Пруссію, естественно, нужны были совершенно другія дѣйствія, чѣмъ тѣ, которыя были произведены частицей нашихъ геройскихъ войскъ, ибо перейти только съ нею укрѣпленный районъ низовьевъ Вислы и грозить Берлину было невозможно.

Слѣдовательно, цѣлью нашей и не могло быть тогда наступленіе на Берлинъ именно въ этомъ направленіи.

Но тогда зачѣмъ же было произведено это движеніе, зачѣмъ въ этомъ районѣ происходили кровавые бои, зачѣмъ мы не удержались тогда на занятыхъ позиціяхъ, а отступили?

Отвѣтъ на этотъ законный вопросъ совершенно ясенъ:

Въ Восточной Пруссіи нами была произведена опредѣленная операція, которая на военномъ языкѣ носить названіе демонстраціи.

Демонстрація—это такое движеніе арміи, связанное обычно со сраженіями и со всѣми признаками рѣшительныхъ дѣйствій, которое имѣетъ цѣлью заставить противника сосредоточить въ желаемомъ для насъ направленіи возможно большее количество его войскъ, отвлечь ихъ отъ другого направленія, представляющаго для насъ большую и главнѣйшую важность.

Такимъ направлѣніемъ, имѣющимъ для насъ огромную важность даже въ политическомъ значеніи, представлялось направленіе на Парижъ.

Взятіе германскими полчищами Парижа, оправдавшее бы хвастливый планъ Вильгельма Кроваваго, имѣло бы огромное политическое и моральное значеніе для всѣхъ недоброжелателей Россіи.

Турція уже давно находилась бы съ нами въ войнѣ, неизвѣстно, какъ вылилось бы отношеніе къ событіямъ румынской Гогенцоллернской династіи, въ настоящее время принужденной капитулировать передъ народнымъ желаніемъ и въ концѣ концовъ присоединиться къ тройственному согласію, наконецъ, взятіе германцами Парижа, помимо удара міровой культурѣ, давало бы въ руки Вильгельму Кровавому лишній шансъ при мирныхъ переговорахъ.

Создавъ демонстрацію въ Восточной Пруссіи и поведя въ ней рѣшительныя и молніеносныя наступленія, мы оттянули съ западнаго франко-германскаго фронта весьма значительныя непріятельскія силы, приняли на свою грудь сильный ударъ германцевъ, отпарировали его, и этимъ дали возможность англо-французской арміи отбросить полчища германцевъ отъ Парижа, къ которому они уже приблизились и который готовились обойти съ юго-запада, дали возможность французской арміи прогнать германцевъ сначала за Марну, а затѣмъ къ рѣкѣ Энъ.

Первая роль наша въ Восточной Пруссіи была сыграна, и потому генералу Реннекампу было предписано отступить, при чемъ это отступленіе было произведено въ блестящемъ порядкѣ, между тѣмъ, какъ отступленіе—это самый труднѣйшій маневръ, ибо при немъ весьма легко внести разстройство даже не въ пораженную армію.

Мы отступили, не оставивъ непріятелю ни единого трофея и ни клочка запасовъ, а въ концѣ сентября разбили германцевъ на линіи Августово-Осовецъ. А къ этому времени на австрійскомъ фронтѣ событія продолжали развер-

тываться съ математической точностью все время въ нашу пользу.

Разсчитывать на то, что Германія сможет перекинуть на австрійскій фронтъ слишкомъ подавляющія насъ силы, едва ли возможно.

Несмотря на прекрасное состояніе желѣзныхъ дорогъ, Германія не можетъ перебросить сюда много резервовъ изъ Восточной Пруссіи, продолжающей оставаться подъ угрозой отступившей нашей арміи, австрійскіе же корпуса уже достаточно деморализованы рядомъ многочисленныхъ поражений.

Краковъ раздѣлитъ судьбу Львова и Ярослава, а овладѣніе Краковымъ открываетъ намъ дорогу въ долину Одера, на Бреславль и Берлинъ.

Это именно то мѣсто, куда направляется стратегическій рычагъ, чтобы нажавъ на него, можно было двинуть далѣе то колесо, движеніе котораго должно въ концѣ-концовъ опрокинуть Пруссію и Германію.

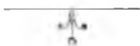
Нанося удары Восточной Пруссіи, мы били Германію по головѣ, но на этой головѣ еще прочно сидитъ твердая нѣмецкая каска; ударяя снизу, мы бьемъ ее по менѣе защищеннымъ ногамъ, подъ которыми уже поколеблена австрійская почва.

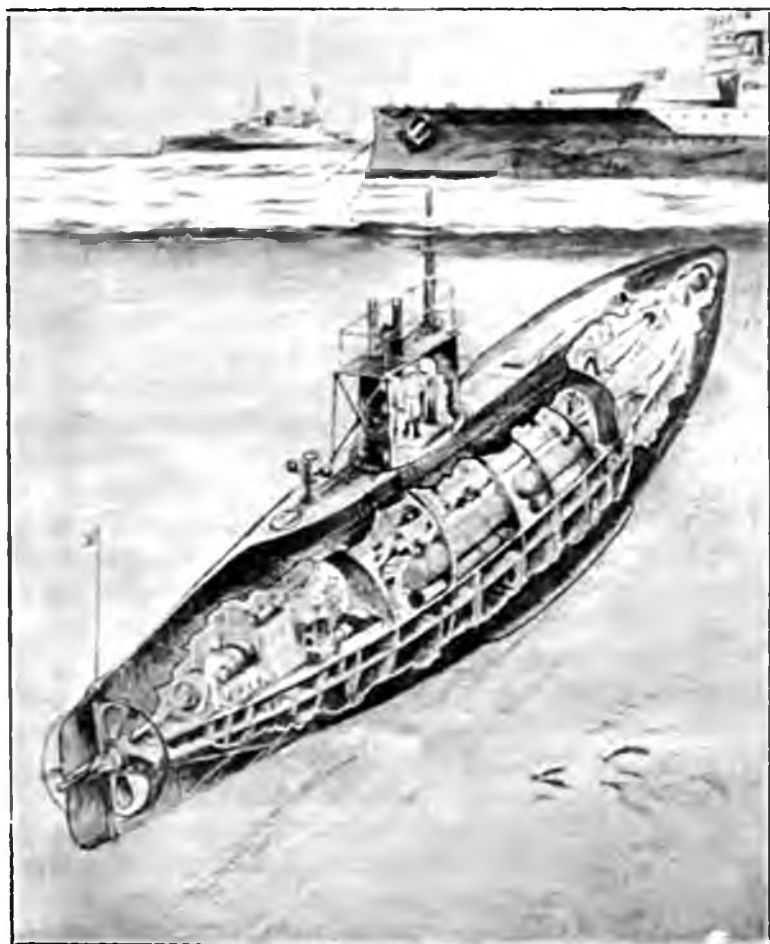
Конечно, всѣ эти операціи потребуютъ прежде всего времени, но не нужно забывать, что время нашъ союзникъ, и врагъ Германіи.

Какіе бы неизбежные во всякой большой войнѣ частичные неуспѣхи и не выпали на нашу долю, къ нимъ нужно быть готовымъ, но конечный результатъ не можетъ быть инымъ.

Размахъ начавшагося двигаться огромнаго колеса—опрокинетъ въ концѣ - концовъ зарвавшуюся Германію и вмѣстѣ съ нею и ея кроваваго повелителя.

И. Митропольскій.

Атака подводной лодки.

«ДЕЙТШЛАНДЪ ЮБЕРЪ АЛЛЕСЪ».

Откуда пошло нѣмецкое «Германія выше всего» или «Дейтшландъ юберъ аллесъ», то-есть девизъ, заставляющій германцевъ забывать совершенно о правахъ другихъ людей и другихъ народностей?

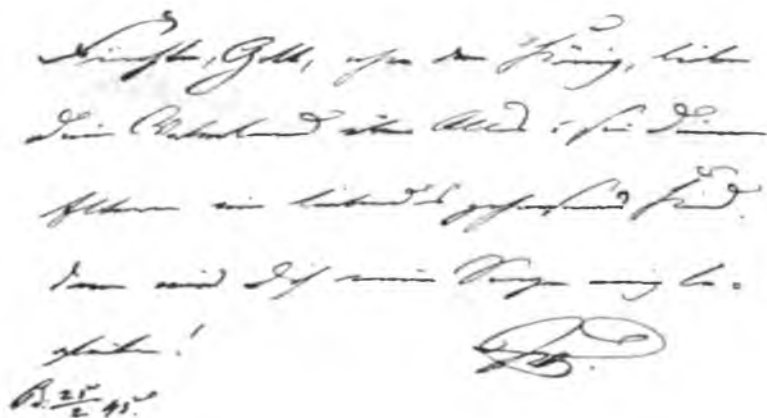
Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ невинная по существу записочка, которую императоръ Вильгельмъ I, еще будучи королемъ только Пруссіи и непобѣждавшій еще ни Австріи ни Франціи, послѣ чего онъ сталъ императоромъ и Германіей былъ нареченъ «Великимъ», написалъ въ альбомъ своему сыну, принцу Фридриху-Вильгельму, отцу теперешняго кроваваго кайзера Вильгельма.

Приводимъ здѣсь факсимиле этой записки, и ея переводъ.

Записка гласить:

«Бойся Бога, чти короля, ЛЮБИ РОДИНУ БОЛЬШЕ ВСЕГО, будь въ отношеніи твоихъ родителей любящимъ и послушнымъ ребенкомъ, и мое благословеніе будетъ вѣчно съ тобою».

ФАКСИМИЛЕ ВИЛЬГЕЛЬМА I.

Alte, Gold, und die Feinde, die
die Welt und die Welt. Die
Welt in der Welt. Die
Welt und die Welt. Die
Welt!

В. 25. 41.

Такъ вотъ, это-то «Родина выше всего»—превратилось въ послѣдствіи въ «Дейтшландъ юберъ аллесь» для всей Германіи.

И при этомъ Вильгельмомъ была забыта первая заповѣдь его дѣда—бояться Бога. Разрушеніе Реймскаго собора доказало это въ полной мѣрѣ.

Любопытно, что въ мемуарахъ Бисмарка, перваго провозгласившаго для Германіи принципъ крови и желѣза, находятся строки, посвященныя осадѣ Парижа и говорящія о томъ страхѣ, который Бисмаркъ переживалъ въ дни этой осады, когда армія германцевъ, окруживъ Вѣчный Городъ, бездѣйствовала по необъяснимымъ причинамъ и щадила зданія столицы міра.

Могли перемѣниться политическія обстоятельства, къ французамъ могли явиться неожиданные союзники. Россія, хотя и соблюдавшая нейтралитетъ, все-таки казалась Бисмарку грозною и опасною въ своей неподвижности и въ своемъ молчаніи; наконецъ, французская армія могла двинуться съ сѣвера въ тылъ германцевъ у Парижа, а грозная осадная артиллерія германцевъ, наведенная дулами на зданія и соборы Парижа—молчала.

Оказывается, что германская императрица упросила своего мужа пощадить Парижъ, какъ столицу міра, и не грязнить нѣмецкую армію названіемъ варваровъ, которымъ бы заклеимило германцевъ общественное мнѣніе Европы.

И желѣзный канцлеръ оказался безсильнымъ передъ благородствомъ царственной женщины, и трясся отъ плотояднаго страха, поглядывая на кресты и куполы Нотръ-Дамъ де-Пари?»

Вильгельмъ I все-таки убоялся Бога и ставилъ хоть во что-нибудь общественное мнѣніе, но внукъ его перешелъ всѣ границы и откровенно отвернулся и отъ Бога и растопталъ общественное мнѣніе.

Да будетъ же ему по дѣламъ его!

Антикварій.

Германская 8 дюймовая мортира—,,чудовище“.

«МАШИНА И ВОЙНА».

Настоящая великая европейская война выявила въ достаточной мѣрѣ роль на войнѣ технических изобрѣтений и роль машины.

Мы видимъ, что даже электричество широко примѣняется теперь къ конечной военной цѣли—истребленію; на примѣръ, черезъ проволочныя загражденія, устраиваемыя передъ укрѣпленіями и траншеями, пропускаютъ теперь электрическій токъ такого напряженія, что онъ убиваетъ моментально прикоснувшихся къ проволоцѣ людей.

Идущія въ атаку на укрѣпленія колонны всегда снабжаются особыми ножницами, чтобы перерѣзать эту колючую проволоку, но уже одно прикосновеніе къ проволоцѣ ножницъ, если въ проволоку пропущенъ токъ, грозитъ смертью тому, кто держитъ ножницы. И вотъ техника пришла тутъ на помощь: ножницы новаго типа дѣлаются съ особой шелковой обмоткой, не пропускающей тока,

и рѣзать ими смертоносную проволоку можно вполне безопасно.

Но главное примѣненіе машины произошло въ сферѣ передвиженія какъ на землѣ, такъ въ водѣ и въ воздухѣ.

Артиллерія, въ особенности для тяжелыхъ орудій, стала устанавливаться на автомобиляхъ, и, напримѣръ, у англичанъ, цѣлыя батареи превратились въ автомобильные парки, какъ показываетъ приводимый здѣсь рисунокъ.

Имѣются такія батареи и у нѣмцевъ, но къ счастью для насъ, также обладающихъ такими автомобилями хотя и въ меньшемъ количествѣ, эти смертоносныя машины пасуютъ передъ дорогами болотистыхъ мѣстностей и требуютъ для себя ровнаго грунта и шоссе.

Въ грязи стосильные моторы автомобилей-пушекъ пасуютъ передъ лошадиной тягой.

Война въ воздухѣ также пока не приноситъ тѣхъ выгодъ, о которыхъ мечтали нѣмцы, строя свои цеппелины, и вредъ, приносимый ими, оказывается ничтожнымъ, особенно въ связи съ тѣми средствами, которыя требуютъ постройка и оборудованіе каждаго цеппелина, и убыткомъ отъ ихъ гибели отъ артиллерійскихъ снарядовъ.

На приводимой въ этой статьѣ картинкѣ изображенъ фотографическій снимокъ съ поднимающагося цеппелина, готоваго летѣть на русскія позиціи.

Такимъ образомъ, только аэропланы доказали свою необходимость на войнѣ, и то только какъ орудія развѣдки. Благодаря воздушной развѣдкѣ, успѣшно производимой нашими героями-авіаторами, среди которыхъ покойный Нестеровъ занималъ выдающееся мѣсто, нами успѣшно выполнены многіе тактическіе и стратегическіе планы.

Въ числѣ этихъ машинъ, завербованныхъ для военныхъ цѣлей, одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимаетъ подводная лодка.

Дѣйствія подводныхъ лодокъ требуютъ базы, и потому ихъ можно не опасаться дальше ста миль отъ берега, но все-таки онѣ несравненно опаснѣе цеппелиновъ и аэроплановъ.

Английская автомобильная артиллерия.

Гибель ряда судовъ отъ германскихъ подводныхъ лодокъ доказала это. Въ нѣсколько минутъ суда были пущены ко дну, при чемъ лодка обыкновенно не страдала.

Приводимый ниже рисунокъ показываетъ, какъ производится атака подводною лодкою. Она приближается

† Капитанъ И. Н. Нестеровъ,
погибшій герой-летчикъ.

къ непріятельскому судну, скрытая подъ водой, изъ которой только торчитъ верхушка особой трубки — перископа. Эта полая внутри трубка снабжена, какъ подзорная труба, рядомъ стеколъ, имѣющихъ скошенные плоскости, благодаря которымъ какъ въ камеръ-обскурѣ на особомъ матовомъ стеклѣ — экранѣ рисуется или проектируется морской горизонтъ, и становится видно капитану лодки непріятельское судно. Движеніе перископа оставляетъ на морской поверхности бо-

розду, по которой только и можно догадаться о приближеніи лодки, но, понятно, что при волненіи разглядѣть эту борозду очень не легко.

Подойдя на опредѣленное разстояніе миннаго выстрѣла, лодка ныряетъ совсѣмъ въ воду на нѣсколько футовъ, и даже перископъ скрывается подъ водою. Теперь на поверхности ничего нѣтъ, кромѣ волнъ, но направление на непріятельскій корабль уже взято, и изъ минныхъ аппаратовъ выпускается по этому направленію вѣромъ нѣсколько минъ. Мины—цилиндрическіе металлическіе сна-

Цепелинъ въ дѣйствиѣ.

ряды—выбрасываются сжатымъ воздухомъ и, кромѣ того, имѣютъ особый винтъ сзади, который тотчасъ же приводится въ движеніе сжатымъ воздухомъ и даетъ минѣ наступательное движеніе. На носу мины находится стеклянный пузырекъ, въ которомъ помѣщается особое вещество, воспламеняющееся отъ дѣйствія воды, какъ только пузырекъ натолкнется на препятствіе и разобьется, а вспышка состава воспламеняетъ взрывчатый тротилловый зарядъ въ самой минѣ; происходитъ страшный взрывъ, который можетъ сразу потопить непріятельское судно.

Вотъ какими могучими средствами истребленія обладаетъ теперь человѣчество, но все-таки машины однѣ не могутъ замѣнить того, что необходимо для побѣды и теперь такъ же, какъ и въ глубокую старину—человѣческаго духа. Одерживаетъ конечныя побѣды и теперь, какъ во времена Крестовыхъ походовъ, только онъ одинъ.

Техникъ.

Складъ провіанта.

КАКЪ ПИТАЕТСЯ НАША АРМІЯ.

На войнѣ вопросъ питанія и снабженія арміи необходимыми пищевыми продуктами приобретаетъ особенно важное значеніе, потому что современныя миллионныя арміи не могутъ существовать реквизиціями, или забираемъ пищевыхъ продуктовъ и фуража для лошадей на мѣстахъ у населенія. Кромѣ того, непріятель, отступая, стремится уничтожить всѣ остающіеся на мѣстахъ запасы, чтобы они не достались противнику, и, такимъ образомъ, не послужили для него въ пользу.

Поэтому тылъ арміи всегда обезпечивается какъ всѣмъ необходимымъ, такъ и путями, по которымъ запасы могутъ быть легко доставляемы на фронтъ. Эти пути называются коммуникаціонными линіями, и на этихъ линіяхъ устраиваются многочисленныя склады продовольственныхъ и боевыхъ продуктовъ. Глубже въ тылу находятся главные склады, получающіе припасы непосредственно изъ страны, а изъ главныхъ складовъ выдѣляются ближе

къ передовымъ позиціямъ второстепенные, изъ которыхъ припасы забираются уже полковыми обозами.

Въ главные склады припасы доставляются, главнымъ образомъ, по желѣзнымъ дорогамъ, которыя потому и играютъ огромнѣйшую роль въ современныхъ войнахъ.

На нашей фотографіи изображенъ одинъ изъ второстепенныхъ складовъ, расположенный вблизи фронта, куда доносится даже гулъ орудійной канонады, и на которомъ, подъ этотъ громъ, идетъ мирная, но кропотливая работа по собиранію, сбереженію и отправленію въ передовыя части провіанта, фуража, одежды, патроновъ, а иногда и снарядовъ, которые возятся особыми артиллерійскими частями, носящими названіе парковъ, и представляющими тѣ же обозы.

Мостъ черезъ рѣку Вислу у Диршау.

НАРОДОУБІЙЦЫ.

Статья Т. Ардова.

Что такое славянство? «Славянство—это не народы, это навозъ,—сказаль однажды императоръ Вильгельмъ, повторяя слова какого-то нѣмецкаго ученаго,—навозъ, который долженъ служить удобреніемъ для нѣмецкихъ сѣмянъ. Славянство—это жижа, питательный бульонъ, желатинъ, который приготовленъ исторіей, чтобы въ немъ развивался стойкій и сильный микробъ германизма».

Такъ говорилъ кайзеръ. Почему онъ говорилъ такъ? Потому что передъ гордымъ взоромъ его было прошлое его страны; потому что въ прошломъ оно дѣйствительно такъ и было; несчастные славяне среднихъ вѣковъ были дѣйствительно «удобреніемъ» для германизма.

Что такое Германія? Мы слишкомъ привыкли къ современному значенію этого слова и уже не можемъ видѣть его убійственнаго истиннаго смысла. Не чувствуемъ той міровой, исторической трагедіи, о которой повѣствуютъ эти звуки, не слышимъ, что они рассказываютъ намъ о

томъ, какъ изъ огромной, свободной, славянской «страны братьевъ», *Германіи* Тацита подъ натискомъ маленькихъ тевтонскихъ племенъ выросла чуждая Германія Гогенцоллерновъ!

Германія—это насильственная прививка нѣмецкой «лозы» къ славянскому «дичку», это результатъ *вѣкового порабощенія и ассимиляціи* славянъ, населяющихъ сѣверо-западную Европу, воинственными ордами германцевъ.

Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, изданныхъ въ книгѣ подъ названіемъ «Дочерей Славы», чешскій поэтъ Коларъ спрашиваетъ:

Отчего въ поляхъ между Лабой и Вислой,
Между Дунаемъ и моремъ Балтійскимъ
Онѣмѣла славянская рѣчь?

«Кто,—спрашиваетъ пѣвецъ,—совершилъ это уничтоженіе, подымаясь въ гору? Кто похоронилъ цѣлый міръ народовъ въ одномъ народѣ?» «Это тотъ ненавистникъ,—отвѣчаетъ онъ самому себѣ,—кто присвоилъ себѣ нивы, вспаханныя руками славянъ!» «Гдѣ славные народы славянскіе, пившіе воды Поморья и воды Савы? Гдѣ Бодричи? Гдѣ внуки Вулковъ, внуки Лютичей? Вотъ гляжу я направо, брошу взоръ свой налѣво—не вижу я славянъ въ славянской землѣ... Сына славы, пришедшаго къ братьямъ въ томъ краѣ, не узнаетъ братъ, живущій тамъ, и не протянетъ ему братски руку. Онѣмѣла въ его устахъ славянская рѣчь. Не славяне они ужъ больше и не нѣмцы, половина этого, половина того, подобные нетопырямъ»...

Мы ужасаемся, когда читаемъ объ истребленіи американцами ирокезовъ и другихъ индѣйцевъ. Между тѣмъ съ нами, славянами, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ происходило то же самое: на пространствѣ всей сѣверо-западной Европы вырѣзывались, искоренялись, иногда съ неслыханными звѣрствами, цѣлые славянскіе народы, не ничтожные и малокультурные, а обладавшіе высокой куль-

турой, народы, въ сравненіи съ которыми нѣмцы были варварами; и эти-то народы по уничтоженіи ихъ передали Германіи свои навыки, свое земледѣліе и ремесла и положили основаніе прославленной нѣмецкой культурѣ.

Германцы въ этомъ процессѣ играли роль «народоубійць», какъ называетъ ихъ Н. П. Аксаковъ, авторъ интереснѣйшаго труда «Всеславянство», изданнаго покойнымъ С. Ѳ. Шароповымъ.

Городъ и германская крѣпость Торнъ на рѣкѣ Вислѣ.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе ужасное, чѣмъ эти нашествія нѣмцевъ, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ десятилѣтій въ десятилѣтіе обрушивавшіяся на мирные и трудолюбивые народы, жившіе по Вислѣ, Нѣману, Одери и Эльбѣ, и сметавшіе все живое, что не хотѣло покориться нѣмецкой волѣ. Мицкевичъ въ «Конрадъ Валленродъ» говоритъ, что самая чума—ничто въ сравненіи съ этими набѣгами. Она губила села, города, но тамъ, гдѣ проходили нѣмцы, «цѣлыя страны превращались въ могилы».

Наше ухо привыкло слышать: «прускіе, пруссаки», и для насъ это—нѣмцы. Не пробуждается въ насъ мысль о древней Пруссіи, лежавшей у границы «Руси», сосѣдившей съ Ререгами и Варагами, къ которымъ новгородцы посылали когда-то за князьями. Многочисленное и сильное племя Летовъ, населявшее эту страну и обладавшее цвѣтущими городами, давно исчезло, истребленное нѣм-

цами. И послѣдніе звуки летской рѣчи, древнѣйшей отрасли индо-европейскихъ нарѣчій, замолкли двѣсти лѣтъ назадъ, когда умерли послѣдніе старожилы, хранившіе родной языкъ. Остался только переводъ катехизиса Лютера, сдѣланный въ XVI в. для Альбрехта Бранденбургскаго, гроссмейстера нѣмецкаго ордена.

Другая отрасль литовскаго племени еще живетъ въ Пруссіи у границъ Польши; языкъ ея еще не умеръ, но сами нѣмцы говорятъ, что онъ очень близокъ къ угасанію.

Все побережье Балтики до сѣвера, до Финскаго залива, склонилось передъ нѣмцами, и только побѣдное шествіе Россіи, уничтожившей Ливонскій орденъ, остановило этотъ нѣмецкій «Drang».

Филологи разсматриваютъ теперь памятникъ нарѣчія Залабскихъ славянъ—древлянъ и глинянъ. Памятники! А гдѣ же они сами? Отчего самыхъ именъ ихъ не слышимъ мы болѣе и нельзя ихъ найти ни на одной этнографической картѣ? Кто уничтожилъ ихъ? Кто смелъ съ лица земли?

Куда исчезли Полабы, о которыхъ разсказываютъ намъ нѣмецкіе лѣтописцы? Гдѣ Ободриты, жившіе по Одеру? Гдѣ Гаволяне? Гдѣ, наконецъ, знаменитые въ древности Поморяне, Венеды, славившіеся своими судами, мореходствомъ, главный городъ которыхъ Волинъ сами нѣмцы сравнивали съ Константинополемъ, такъ онъ былъ великъ и богатъ уже въ далекіе древніе дни, прежде нежели Гамбургъ и Любекъ въ 1241 году заключили свой союзъ. Все исчезло, все погибло! Восемнадцать большихъ провинцій, которыя нѣмецкій лѣтописецъ Адамъ Бременскій называетъ «уголкомъ Балтійской Славіи», погибли и сдѣлались «матеріаломъ для образованія нѣмецкой силы».

И такъ было вездѣ, почти на всемъ пространствѣ нѣмецкой «имперіи». Вездѣ эта сила создавалась на костяхъ истребленныхъ славянъ.

Ганноверъ! Боже мой,—это ли не нѣмецкая земля. Но лишь совсѣмъ недавно, въ первой четверти XIV вѣка,

въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства въ Люховскомъ округѣ жили послѣдніе славяне и звучала славянская рѣчь. Теперь она замолкла, осталось только нѣсколько старинныхъ памятниковъ. Но самая земля еще и до сихъ поръ называется землей Венедовъ—Вендландомъ, т.-е. славянской землей.

Возьмите даже Бранденбургъ—самое ядро, самую цитадель прусскаго государства. Подумать только, что тамъ *вплоть до XII вѣка* существовало сильное славянское

Брюссель. Главная площадь.

государство! Нѣмецкій старинный писатель Гебгардъ рассказываетъ: «Здѣсь нѣмцы обратили множество свободныхъ венедовъ въ крѣпостныхъ рабовъ и подчинили ихъ власти землевладѣльцевъ, а земли присвоили. Языкъ вендовъ былъ искорененъ чрезвычайно скоро: онъ угасалъ уже въ XV столѣтіи. Жители обращены были въ нѣмцевъ и сохранили только два признака національной своей особенности и племенного отличія отъ нѣмцевъ: крѣпо-

стное состояніе и суевѣріе». И такъ было вездѣ и всегда. Ростъ Германіи въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ заключался въ томъ, что боевыя нѣмецкія дружины, двигаясь на сѣверъ и на востокъ изъ лѣсовъ ихъ древней родины, захватывали одну за другой славянскія области, при чемъ сначала они продавали захваченныхъ славянъ въ рабство на югъ Европы (между прочимъ, такимъ путемъ въ лексиконъ европейскихъ языковъ вошли слова *esclave* и англійское *slave*, какъ понятіе о «рабѣ»), а впослѣдствіи обращали ихъ въ крѣпостное состояніе. Это была система, это было историческое занятіе германцевъ. Даже самый языкъ ихъ отразилъ это, создавъ глаголь «народовать» — *bevölkern*, что значило не населять, какъ оно значить теперь, а значило онѣмечивать, вводить свой *Volk*, свой нѣмецкій *Volk* въ чужую землю. Даже самое понятіе «народъ» выражалось у этихъ воиновъ-насилльниковъ словомъ, происходящимъ отъ одного корня съ нашимъ «полкъ» и и означающимъ собраніе воиновъ, точно также какъ самое почетное званіе Германіи *Graf* происходило отъ глагола *greifen*, — брать, хватать, имѣющаго въ основѣ тотъ же корень, какъ и наши слова: грабить, заграбать.

И этотъ народъ, предводимый своими «графами», вѣчно бралъ, грабилъ, заграбаль славянскія народности и уничтожалъ ихъ. Я говорю не про добродушнаго «Михеля», не про культурнаго нѣмецкаго крестьянина или бюргера, который самъ есть результатъ долговременной ассимиляціи и такъ сказать замѣшанъ въ славянской крови. Я говорю объ историческомъ нѣмцѣ, о нѣмцѣ — строителѣ «нѣмецкаго царства». Исторія этого *Volk'a* поразительна. Начиная съ XII вѣка народъ этотъ, прикрывшись знаменемъ Христа, организуетъ постоянные «крестовые походы» противъ славянства для обращенія язычниковъ ко Христу. Облеченные въ бѣлые плащи съ черными крестами, подъ которыми блестѣли черныя латы, рыцари «нѣмецкаго ордена», когда-то созданнаго для ухода за больными и ранеными, возвращавшимися изъ Палестины, наводняли

**Льежъ. Знаменитый мостъ черезъ рѣку Маасъ, нынѣ разрушен-
ный нѣмцами.**

своими ополченіями Поморье, славянскій Браниборъ (пре-
вратившійся въ Бранденбургъ, «Сгорѣвшій городъ», когда
они, послѣ страшныхъ избіеній, зажгли столицу), навод-
няли страну лютичей и лужичанъ, и вездѣ, вездѣ сви-
рѣпствовали невыразимо. До сихъ поръ нельзя безъ ужаса
читать рассказываемую Самсономъ, Грамматикомъ и Гель-
мольтомъ исторію уничтоженія замѣчательнаго славянскаго
государства на островѣ Руянѣ, гдѣ въ Арконѣ былъ храмъ
свѣтлаго бога Свѣтовита, замѣненнаго въ католицизмъ свя-
тымъ Витомъ; дрожь охватываетъ, когда пробѣгаешь
эти картинки рѣзни и насилій.

Безпристрастные ученые, среди самихъ нѣмцевъ, какъ
Кледенъ, Гандтманъ, Эдуардъ Дуллеръ, сами своими ра-
ботами установили *славянскую основу* современныхъ нѣм-
цевъ и, разбираясь въ исторіи Германіи, доказываютъ,
что тѣ славянскіе народы, которые были завоеваны нѣм-
цами, были во много разъ образованнѣе и культурнѣе

своихъ завоевателей. И одинъ изъ нихъ (Дуллеръ) обращался даже къ своимъ соплеменникамъ съ такими словами: «Воистину, германцы, вы можете быть велики не потому только, что велико будетъ число говорящихъ по-нѣмецки... Оставьте народы говорить на своихъ языкахъ. Уважайте сами, о нѣмцы, каждую народность... Уважайте всякое противодѣйствіе, оказываемое вамъ ради поддержанія неприкосновенности національныхъ правъ. И прежде всего уважайте благородную славянскую народность, составляющую блестящую, роскошную кайму вокругъ всей прусской королевской мантии на сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ ея поляхъ».

Но мы, современники выросшей Германіи, видимъ теперь, какъ уважаетъ она славянство. Германія сдѣлала уже свое дѣло,—дѣло ассимиляціи, но она не хочетъ «уйти», не хочетъ остановиться. Она и на остальные славянскіе народы смотритъ какъ на «навозъ». Она поднимаетъ руку даже на ту силу, которая, выйдя изъ нѣдръ самого славянства, сумѣла организовать его и дать ему свою національную государственность,—на Россію!

И вмѣстѣ съ нею сестра ея, Австрія, ведетъ противъ насъ полки, состоящія изъ нашихъ же братьевъ-славянъ, которыхъ она не успѣла ассимилировать, но успѣла поработить.

Въ Берлинѣ на одномъ изъ мостовъ стоитъ памятникъ Великому Курфюрсту, изображающій мрачнаго рыцаря на тяжеловѣсномъ страшномъ конѣ: лицо его выражаетъ надменность и дерзость, а у ногъ его, у пьедестала прикованы цѣпями четыре сгорбленные, униженные, жалкія человѣческія фигуры,—это тѣ народы, которые поработила Германія. Германія хочетъ теперь, чтобы потомки нынѣшнихъ нѣмцевъ имѣли право изобразить такимъ же колѣнопреклоненнымъ и жалкимъ русскій народъ гдѣ-нибудь на мосту, въ Берлинѣ.

Отпоръ, который получить отъ славянства это безуміе германизма, будетъ страшенъ и покажетъ міру, что завое-

вательное шествіе Германіи кончилось, роль ея сыграна и ей не суждено уже «bevolkern», не суждено уничтожать народы.

Но нужно, чтобы каждый русскій зналъ, что это за земли, противъ которыхъ стоятъ сейчасъ наши арміи, и что это за война, которую мы ведемъ.

Почему каждый русскій мужикъ инстинктивно ненавидитъ самое имя «нѣмецъ», хотя нѣмецъ не сдѣлалъ ему ничего дурного, и онъ можетъ его даже любить, какъ добраго сосѣда, какъ мирнаго земледѣльца. Да потому, что въ каждомъ русскомъ впитались въ плоть и кровь воспоминанія о страшныхъ битвахъ и опустошеніяхъ, объ истребленіяхъ, передъ которыми татарскія нашествія ничто, о дикой и свирѣпой бѣйнѣ, которую *въ течение вѣковъ* германцы устраивали въ славянскихъ земляхъ, истребляя руссовъ, поморянъ и всѣхъ славянъ. Это чувство мести просыпается въ немъ, то самое, что одушевляло и славянскихъ князей и жрецовъ въ храмахъ Свѣтовита, осмѣливавшихся на борьбу съ нѣмцами, и одушевляетъ сейчасъ сербовъ и чеховъ.

Эта война—война мести, война исторической мести. Не бронированный кулакъ «нѣмецкаго рыцаря» поднялся надъ міромъ, а заскорузлая рабочая длань земледѣльца—венеда, которому надоѣло сносить господство надменнаго пработителя. Это «черный народъ», это чернь, надъ которой привыкли царить «германскіе вассалы», поднялась и идетъ сокрушить ненавистную мощь.

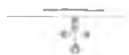
Я раскрываю карту земель, возлѣ которыхъ стоятъ наши войска, и все, что я тамъ вижу,—все наше, все славянское, все взятое нѣмцами. Вотъ здѣсь, въ Ганноверѣ течетъ рѣка. Знаете, какое имя ея? Оно родное: Ильмень, какъ тотъ Ильмень, на которомъ стоитъ Новгородъ. А вотъ и самый Новгородъ, онъ только иначе называется: Нейгардтъ. А вотъ и Старгородъ—Штаргардтъ. И Бѣлгородъ—Бельгардъ. И много, много древнихъ русскихъ городовъ. Мы точно въ родной странѣ: вотъ Ключъ, вотъ

Носовъ, Борзовъ, Варинъ, Лѣсковъ, вотъ Тетеревъ, близъ рѣки Варли, вотъ Грабовъ, Шустровъ—эти даже не измѣнили своихъ названій, какъ случилось съ Рыбницей, которая стала теперь Рыбеницомъ, вотъ рѣка Руссъ, близъ Мемеля. А перенесемся въ Берлинъ, въ эту берлогу германизма. И тутъ, вѣдь, все славянскія мѣста, славянскія деревни: Панковъ, Трептовъ, Людовъ, Глинико, Буковъ, Рудовъ, Кипеникъ, Мальковъ, Каровъ. Вотъ какія это земли, какія мѣста! Все славянское—славянская могила, славянское кладбище.

Съ какимъ же чувствомъ станетъ русскій воинъ биться съ «культурными» народоубійцами? Только съ местию въ душѣ и однимъ желаніемъ положить конецъ убійству народовъ. Часъ расплаты пришелъ для германизма; пусть живетъ культурный нѣмецкій народъ, возникшій на славянской крови, но пусть исчезнетъ навсегда зловѣщій призракъ воинствующаго германскаго имперіализма; назадъ, Германія, Россія выросла и защититъ славянство!

Т. Ардовъ.

Входъ въ мечеть.

НѢМЦЫ И ТУРЦІЯ.

Редакція выпусковъ «Пассажиръ» благодарить сэра Эдварда Бока, любезно предоставившаго въ ея распоряженіе какъ свой интересный очеркъ, бросающій лишній лучъ свѣта на дѣятельность германцевъ въ Турціи, такъ и три фотографическихъ снимка, относящихся къ этому очерку.

По коммерческимъ дѣламъ нашего акціонернаго общества мнѣ пришлось побывать въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ турецкомъ городѣ Эрзерумѣ. Войной, разумѣется, и не пахло, и, зная миролюбивую политику нашего правительства и сэра Грэя, я готовъ былъ тогда держать пари съ кѣмъ угодно, что нашей старушкѣ Европѣ

не придется переживать того ужаса, который переживаемъ мы сейчасъ.

Да и какъ можно было ожидать этого? Неистовый Вилли, какъ мы зовемъ императора Вильгельма, какъ будто бы поугомонился, германской политикѣ на Балканахъ сдѣлали довольно внушительное «ассаже», наше сближеніе съ Россіей становилось все тѣснѣе и тѣснѣе, и нужно было сойти съ ума, чтобы утверждать, что война непременно будетъ.

Въ Эрзерумѣ у насъ былъ довѣренный, къ сожалѣнію, не англичанинъ, а нѣмецъ. Просто удивительно, какъ эта нація проникаетъ туда, гдѣ, казалось бы, въ ней совершенно не нуждаются! Россію эти господа запленили было совсѣмъ, но и у насъ въ Англіи они умѣли устраиваться очень недурно. Дѣло въ томъ, что въ акціонеры нашего общества попалъ, между прочимъ, и одинъ нѣмецкій банкъ, который и не приминулъ втащить въ общество парочку, другую нѣмцевъ.

Конечно, теперь этихъ нѣмцевъ не существуетъ, и наше общество стало, наконецъ, настоящимъ англійскимъ.

Нашъ Эрзерумскій довѣренный, господинъ Карлъ Вестманъ, надо отдать ему справедливость, былъ очень неглупый человѣкъ и держалъ себя съ нами, то-есть со мной, по-пріятельски.

Встрѣтилъ онъ меня чрезвычайно любезно, и, когда officialная часть моего визита была окончена, книги провѣрены и найдены въ полномъ порядкѣ, мы, пообѣдавъ, поѣхали въ коляскѣ осматривать городъ.

Эрзерумъ, кромѣ небольшого европейскаго квартала, производитъ довольно жалкое впечатлѣніе со своими немощеными улицами и выстроенными изъ глины одноэтажными домиками, вдобавокъ выходящими на кривыя и узкія улицы глухими стѣнами безъ оконъ, какъ это принято въ Азіи.

Получается впечатлѣніе какой-то тюрьмы, и это впечатлѣніе еще усиливаютъ попадающіяся съ закрытыми

лицами женскія фигуры, которыя при видѣ иностранцевъ вполнѣ откровенно отворачиваются въ сторону и плюютъ. Вестманъ хохоталъ, указывая мнѣ на эти «дамскія любезности», и мало-по-малу разговоръ нашъ перешелъ на некультурность азіатскихъ народовъ.

— Что же, намъ и вамъ на руку эта некультурность!— откровенно сказалъ мнѣ Вестманъ.—Эта некультурность даетъ намъ рынки. Вы представьте себѣ, что было бы съ Германіей, если бы Россія была такъ же культурна, какъ культурна Германія?

— Россія культурная страна,—возразилъ я.

— Полноте!—живо возразилъ онъ:—славянство не можетъ быть культурно. Но теперь, откровенно вамъ сказать, ростъ Россіи вызываетъ въ насъ живѣйшія опасенія. Придется, видно, поубавить у Россіи той стремительности, съ какой въ настоящее время она идетъ къ настоящей культурѣ.

— То-есть, какъ это поубавить?—не понялъ я.—Мнѣ кажется, что этому остается только порадоваться.

— Полноте!—живо возразилъ Вестманъ.—Намъ съ вами нечего играть въ прятки. Мнѣ кажется, близится время, когда Германія и Англія должны будутъ полюбовно раздѣлить между собою міръ, но Россія останется на нашу долю. Она предназначена для Германіи, такъ и будетъ.

— Не слишкомъ ли большой аппетитъ вы обнаруживаете?—шутливымъ тономъ, чтобы ослабить сарказмъ, замѣтилъ я.

— Ничуть... Это предопредѣленіе судьбы. Помяните мое слово, что скоро будетъ война, и Германія къ ней готовится. Мы сломимъ русскую мощь и навсегда превратимъ Россію въ свою колонію.

Мирному человѣку сталъ сразу непріятенъ этотъ заносчивый тевтонъ, но въ тогдашнемъ моемъ положеніи мнѣ не было причины съ нимъ ссориться и я промолчалъ.

— Турція будетъ играть роль нашего авангарда, а, когда нужно, то и резерва,—продолжалъ Вестманъ.—

Напримѣръ отсюда, изъ Эрзерума, который два раза былъ уже въ русской власти, рукой подать до Кавказа, который полонъ горячаго матеріала. И знаете, что мы дѣлаемъ?

— Что?—спросилъ я, рѣшивъ дать ему высказаться.

— Мы готовимъ здѣсь прекрасныхъ эмиссаровъ для Кавказа, которые по сигналу изъ Константинополя, или изъ Берлина, это все равно, направятся на Кавказъ, въ черкесскія племена, которыя ненавидятъ русскихъ, чтобы проповѣдывать тамъ противъ русскихъ «газавать», или священную войну.

И Вестманъ нагло захохоталъ.

— Говорится «газавать», а переводится «дейтшландъ юберъ аллесь». Эти дурни и не понимаютъ, что они тоже служатъ подстилкой подъ наши ноги. И подъ ваши, подъ ноги Англіи,—добавилъ онъ предупредительно.

— Спасибо, Англія не нуждается въ такихъ подстилкахъ!—замѣтилъ я.—У насъ, какъ вы знаете, во всѣхъ колоніяхъ полное самоуправленіе, чего нѣтъ въ вашихъ колоніяхъ.

Мнѣ теперь вспоминается то возмутительное предложеніе, которое сдѣлалъ Бетманъ фонъ-Гольвегъ сэру Грэю и которое Грэй брезгливо отвергъ; именно гнуснѣйшее предложеніе предать Германіи нашу союзницу Францію, и я теперь понимаю, что всѣ тевтоны, дѣлающіе политику или просто мастерающіе свои каверзы, совершенно изъ одного тѣста.

И Бетманы и Вестманы—всѣ они люди одной породы, если только такую разновидность *homo sapiens* можно называть людьми.

Вестманъ сталъ мнѣ глубоко антипатиченъ, и эта антипатія превратилась потомъ въ настоящее презрѣніе, когда я узналъ его больше, и когда во мнѣ не осталось уже сомнѣнія, что Вестманъ—эмиссаръ германскаго правительства, проводящій здѣсь, въ Эрзерумѣ, козни противъ Россіи.

Тотчасъ, по прибытіи въ Лондонъ, я доложилъ о всемъ

Младотурецкая манифестація въ Турціи.

нашему главному директору, и послѣдній настоялъ на томъ, чтобы Вестмана отозвали въ Лондонъ. Но Вестманъ въ Лондонъ не пріѣхалъ, онъ предпочелъ отправиться въ Константинополь, а вскорѣ разыгрались настоящія событія, и нѣмцы изъ нашего общества были удалены.

Но возвращаюсь къ прерванному нашему разговору.

Вестманъ предложилъ мнѣ показать тѣхъ людей, которые предназначаются германцами для посылки на Кавказъ, какъ только отношенія съ Россіей у Германіи станутъ натянутыми, и война будетъ неизбежна.

Я согласился. Мнѣ хотѣлось до конца прослѣдить за дѣятельностью Вестмана.

— Въ мечеть!—приказалъ кучеру Вестманъ.

Скоро мы подъѣхали къ аркѣ мечети, изукрашенной пестрыми изразцами и представляющей дивный памятникъ арабской архитектуры. Нѣсколько турокъ и курдовъ,

жалкихъ торгашей, стояли подъ этой аркой, а сбоку у колонны изумленно смотрѣлъ на насъ оборванный турецкій мальчишка.

Наше прибытіе вышло далеко не параднымъ, на насъ никто не обратилъ вниманія.

— Въ этой мечети есть турецкая духовная школа-медресе,—объяснилъ мнѣ Вестманъ,—и вотъ въ этой-то школѣ и готовятся тѣ мюриды, которые потомъ будутъ посланы турецкимъ правительствомъ по приказу изъ Берлина на сѣверъ, въ Кавказскія горы.

Послѣ этого, уже пройдя ворота, около фонтана для омовеній, Вестманъ подозвалъ проходившаго турка и приказалъ ему позвать главнаго муллу. Распоряжался онъ здѣсь, какъ лицо офиціальное и имѣющее власть, и это стало особенно замѣтнымъ, когда пришелъ мулла, почтенный старикъ въ бѣлой чалмѣ, и низко поклонился Вестману.

— Проводите насъ въ медресе,—сказалъ ему Вестманъ, и представилъ меня:

— Вотъ это мой другъ и членъ нашего общества.

«Другъ!» меня покорило это слово, но нужно было играть мою роль до конца и воспользоваться откровенностью Вестмана, который, очевидно, и не предполагалъ, какія чувства во мнѣ она возбуждаетъ.

Политическая провокація развѣтывалась предо мною.

Мулла съ низкими поклонами повелъ насъ къ кельямъ, каменнымъ нишамъ, въ которыхъ сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, люди въ халатахъ и чалмахъ, почти не обратившіе на насъ вниманія, и занятые чтеніемъ корана. Только одинъ изъ нихъ, высокій человѣкъ съ черной бородой, повернулъ къ намъ лицо, и низко поклонился Вестману.

— Здравствуй, Али-Махмутъ,—сказалъ ему Вестманъ, и добавилъ мнѣ по-англійски:—это очень энергичный и умный человѣкъ, который нѣсколько разъ побывалъ въ Берлинѣ и даже представлялся кайзеру.

— Можно ихъ сфотографировать?—спросилъ я.

— Вообще, магометане не любятъ фотографіи, и фотографировать въ мечети строго запрещено, но для меня они сдѣлають исключеніе,—хвастливо отвѣтилъ Вестманъ

и обратился по-турецки къ главному муллѣ, который утвердительно закивалъ головой.

Я вынулъ мой складной кодакъ и сдѣлалъ снимокъ, который и предоставляю теперь въ ваше распоряженіе.

Мнѣ хочется, чтобы русскіе знали, какое государство у нихъ долго пользовалось привилегіями добраго сосѣда.

— Коранъ, по которому они читаютъ,—продолжалъ Вестманъ, когда я спряталъ свой аппаратъ,—напечатанъ въ Берлинѣ, и посмотрите, какъ хорошо подлѣланъ даже переплетъ. (Онъ взялъ у Али-Махмута книгу въ кожаномъ переплетѣ съ выцвѣтшими, какъ будто столѣтними страницами, и протянулъ ее мнѣ)—Made in germany, замѣтилъ онъ, наблюдая за впечатлѣніемъ, которое произведетъ на меня это открытіе.—Совсѣмъ, какъ будто

напечатано въ Аравіи лѣтъ четыреста назадъ, не правда ли?

Вотъ она нѣмецкая индустрія, которая не гнушается поддѣлокъ! Меня покорило, но я имѣлъ достаточно силы воли не показать этого Вестману и промывать что-то, что Вестманъ принялъ, должно быть, за похвалу.

— Вотъ эти молодчики,—продолжалъ Вестманъ,—на-электризованные фанатизмомъ, будутъ прекрасными эмиссарами на Кавказѣ. Наше правительство субсидируетъ это медресе, и я являюсь однимъ изъ наблюдателей этого политическаго учрежденія. Не правда ли, тонкій расчетъ?

— О, да, очень тонкій!—отвѣтилъ я двусмысленно.

Отказавшись отъ предложеннаго главнымъ муллою угощенія, и, вѣроятно, очень его этимъ обидѣвъ, я уѣхалъ

Развалины храма.

изъ медресе, и Вестманъ по дорогѣ опять развивалъ мнѣ теорію всемірнаго господства, которое должно быть подѣлено между Германіей и Англіей, съ предоставленіемъ

Германіи, однако, Россіи въ исключительную эксплуатацію. Мнѣ хотѣлось напомнить этому господину, какъ всего годъ назадъ германская пресса требовала похода на Англію, и какъ германскія шовинистическія газеты съ откровеннымъ цинизмомъ писали о возможности разрушить Лондонъ воздушнымъ флотомъ и разграбить Національный Англійскій банкъ.

Я насилу удержался отъ такого напоминанія, но въ душѣ далъ клятву по пріѣздѣ въ Лондонъ разсказать все нашему главному Директору и потребовать удаленія провокатора Вестмана.

Въ тотъ же день, хотя Вестманъ удерживалъ меня, я выѣхалъ на лошадяхъ въ Ванъ, и по дорогѣ видѣлъ разрушенную турками или курдами армянскую церковь. У развалинъ храма жилъ монахъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, и совершалъ богослуженія на камнѣ, вмѣсто престола.

Жилъ онъ въ землянкѣ, выкопанной имъ самимъ.

На меня повѣяло временами первыхъ вѣковъ христіанства, преданіями о христіанскихъ мученикахъ.

А эти армянскіе погромы и армянскія гоненія, не устраиваютъ ли ихъ тѣ же Вестманы и Бетманъ фонъ-Гольвеги, потокающіе теперь Турціи? Да, Германія со своимъ сумасшедшимъ кайзеромъ повинна и въ этой крови.

А этотъ кайзеръ пытался сдѣлаться «защитникомъ Гроба Господня». Поистинѣ чудовищная провокація!

— Что же вы дѣлаете здѣсь, отецъ?—спросилъ я у монаха.

— Жду смерти,—отвѣтилъ онъ мнѣ со смиреніемъ мученика.—Если Россія и Англія не вырвутъ Арменіи изъ рукъ палачей, эта мѣстность скоро совсѣмъ опустѣетъ, но мы вѣримъ въ торжество конечной правды!

Вотъ кому должно принадлежать міровое господство. подумалъ я, продолжая мой путь, вѣчной правдѣ, а не Германіи, поддѣлывающей даже священныя книги и ни

во что ставящей жизнь народовъ, которые она считаетъ подстилкой для своихъ грязныхъ ногъ.

Да будутъ же прокляты эти германскія стремленія, и да положить имъ предѣлъ война за право, честь и свободу.

Эдвардъ Бокъ.

Какъ ѣздить въ Эрзерумъ.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ ТУРЦІИ.

Послѣ послѣдней войны турецкая армія преобразовалась въ 13 корпусовъ (11 корпусовъ въ составѣ 3-хъ дивизій въ каждомъ и 2 корпуса—по 2 дивизіи) и въ 2 отдѣльныя дивизіи.

Дивизіи состоятъ изъ трехъ полковъ трехбатальоннаго состава и одного стрѣлковаго батальона; послѣдніе въ корпусѣ сводятся въ одинъ стрѣлковый трехбатальонный полкъ.

Регулярной кавалеріи у ней 203 эскадрона, иррегулярной курдской (бывшей «гамидіе») 120 эск. (24 полка по 5 эск.).

Артиллерійскихъ батарей—246 полевыхъ, 70 горныхъ и 12 конныхъ.

Такимъ образомъ у нея въ полевой арміи 449 пѣхотныхъ батальоновъ, 323 кавал. эск. и 328 арт. батарей.

Штатъ мирнаго времени 290,000 человекъ.

Контингентъ новобранцевъ въ текущемъ 1914 г. былъ 100,000 человекъ.

Воинская повинность продолжается 25 лѣтъ, отъ 21-го года до 45 лѣтъ.

Допускается откупъ отъ службы за 50 тур. фунтовъ (450 р.)

Служба продолжается 3 года въ низамѣ (дѣйствительная служба), 6 лѣтъ въ ихтіатѣ (резервѣ), 9 лѣтъ—въ редифѣ (запасъ) и 7 лѣтъ—мустафизѣ (ополченіе.) Редифъ и мустафизъ идутъ на наполненіе полевыхъ частей (низама)

маршевыми командами, по мѣрѣ ихъ обученія, а ихтіать идетъ въ первую же очередь при разворачиваніи частей мирнаго состава во время мобилизації.

Постоянная армія содержится въ составѣ 120 чел. въ ротѣ, кромѣ третьихъ баталіоновъ въ полкахъ, гдѣ составъ роты 40 чел.

При такомъ комплектѣ при развертываніи на первыхъ же парахъ потребуется 3½ возрастныхъ класса резерва.

Мобилизованная армія состоитъ изъ 600,000 чел., въ резервѣ остается 180,000 человекъ, въ редифѣ—550,000 чел. и въ мустафизѣ—300,000 чел.

Дислокація слѣдующая:

I корпусъ въ Константинополь.

II—въ Адрианополь.

III—въ Родосто.

Слѣдовательно, въ Европейской Турціи всего 3 корпуса.

Въ Малой Азіи:

IX корпусъ въ Эрзерумъ (крѣпость).

X—въ Эрзинджанъ (административный центръ и крѣпость-складъ.)

XI—въ Ванъ (старая крѣпость на русско-персидской границѣ.)

IV—въ Смирнѣ.

V—въ Ангарѣ.

VI—въ Алеппо.

VIII—въ Дамаскъ.

Въ Месопотаміи 2 корпуса по 2 дивизіи въ каждомъ:

XII—въ Мосулѣ.

XIII—въ Багдадѣ.

Въ Аравіи:

VII корпусъ, въ 2 дивизіи, въ Іеменѣ.

И двѣ отдѣльныя дивизіи въ Асирѣ и Геджазѣ.

Турецкій флотъ состоитъ изъ 4 старыхъ броненосцевъ, 2 новыхъ бронепалубныхъ крейсеровъ по 7,000 тоннъ, 17 канонерскихъ лодокъ, 10 истребителей, 29 миноносцевъ

Къ событіямъ въ Константинополѣ.

Турецкій новобранецъ.

(Съ фотографіи).

да плюсь два германскихъ крейсера «Гебенъ» и «Бреслау».

Этому флоту, какъ и въ предыдущіе годы, нѣтъ сомнѣнія, придется запереться въ какомъ-нибудь военномъ порту подъ надежной охраной береговыхъ батарей, хотя бы потому, что ими до послѣдняго момента управляли англичане, которые детально изучили всѣ ихъ достоинства и недостатки, и, конечно, судовые секреты будутъ переданы воюющимъ съ Турціей державамъ.

«У. Р.»

Авторъ Дневника Прапорщика Запаса, напечатаннаго въ выпускѣ 2-мъ подъ заглавіемъ

«БОЕВЫЕ ОГНИ»,

убитъ въ сраженіи въ Восточной Пруссіи.

Вдова его обѣщала доставить намъ его послѣднія письма, которыя будутъ напечатаны въ одномъ изъ слѣд. выпусковъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВЪ ПЛѢНУ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ.

Казачій эсауль Пархоменко и хорунжій Дыня, усталые послѣ долгихъ разъѣздовъ и погонь за непріятелемъ, остановились съ сотней на бивакѣ въ брошенной деревушкѣ, выставили часовыхъ и устроились довольно комфортабельно въ полуразрушенномъ, но сохранившемся больше другихъ домикѣ. У домика не было половины крыши, окна были безъ стеколъ, но въ одной комнатѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли двери, кое-какая мебель, а зіявшую дыру окна казакі заложили отъ холоднаго вѣтра досками и соломой.

Такимъ образомъ, получилось, по выраженію Дыни, «гостиная», которую и заняли господа офицеры.

— Чортъ подери!—съ восхищеніемъ проговорилъ Дыня, когда казакъ втащилъ въ гостиную пукъ свѣжей золоти-стой соломы.—Хоть разъ въ жизни выпимся по-пански!

Нашлось что и пожевать, «Гаврилычи» раздобыли гдѣ-то жирную свинью и немедленно же привели надъ ней въ исполненіе смертный приговоръ.

Отчаянный свиной визгъ продолжался всего нѣсколько секундъ, но эсаулъ Пархоменко все-таки выругался, пославъ вѣстового сказать казакамъ, что они, черти, и такого пустяшнаго дѣла не могутъ сдѣлать безъ шума.

Вѣстовой передалъ разность эсаула, и, кстати, принесъ съ собою кусокъ еще дымящагося теплой кровью свиного филе.

— Сказаль, ваше высокоблагородіе,—доложилъ онъ.—Такъ они говорятъ, что со свиньей ничего не подѣлаешь. Свинья—она свинья и есть.

Кусокъ свиного филе и манившая къ отдыху послѣ сорокаверстнаго перехода свѣжая солома, размягчили сердце эсаула, и онъ удовольствовался объясненіемъ вѣстового; филе было быстро зажарено тѣмъ же вѣстовымъ на угольяхъ, на тѣхъ же угольяхъ вскипѣлъ чайникъ, и офицеры принялись закусывать.

— Эхъ-ма,—съ горечью вздохнулъ Дыня,—а горілки нема! Хорошо бы теперь чапорушечку опрокинуть.

— И безъ нея не скиснешь,—отозвался Пархоменко,—Вся Россія не пьетъ, а тебѣ чапорушечку? Ишь какой исключительный выискался.

— Такъ что, ваше благородіе, высунулъ вѣстовой,—у казаковъ коньякъ имѣется... Урядникъ мнѣ сказываль, что сняли флягу съ германскаго офицера. Доложи, гыть, для распоряженія, потому я флягу эту конфисковаль.

— Тащи!—радостно приказаль Дыня,—по законамъ военнаго времени, половина принадлежитъ начальству.

— А вотъ я тогда тебѣ и не дамъ ни капли! — шутливо пригрозилъ Пархоменко.—Сказано—отрезвленіе.

— А я тогда тебѣ рапортъ о болѣзни подамъ,—въ

тонъ ему отвѣтилъ Дыня.—Что, взялъ? У тебя, братъ, всего теперь одинъ офицеръ имѣется. Ты это чувствуешь.

Вѣстовой принесъ нѣмецкую флягу, Пархоменко откупорилъ ее и понюхалъ.

— Какъ-будто ничего, — проговорилъ онъ нерѣшительно.—Воняетъ вкусно. Развѣ выпить ужъ и мнѣ?

— Жаръ, — нетерпѣливо посовѣтовалъ Дыня. — Свинина стынеть. Вѣрно ограбилъ гдѣ-нибудь нѣмчура, — сдѣлалъ онъ догадку.

Пріятели выпили и принялись за ѣду, но не успѣли докончить своего ужина, какъ въ гостиную, безъ доклада, ворвался взволнованный урядникъ и доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе, казакъ Матюхинъ Вильгельма привезъ!

Дыня поперхнулся кускомъ свинины, а Пархоменко онѣмѣлъ, держа на складной вилкѣ кусокъ жаркого.

— Ей Богу, ваше высокоблагородіе, Вильгельма привезъ!—снова повторилъ урядникъ.—Прикажете сюда привести? Онъ тутъ, у крылечка...

— Какого Вильгельма, орясина? —наконецъ нашель въ себѣ силу произнести Пархоменко.

— Такъ что самого ихняго Вильгельма, —отвѣтилъ урядникъ,—ампиратора ихняго. Я ему ручки развязалъ, ваше высокоблагородіе, потому и такъ не убѣжить, а Матюхинъ больно дюже ихъ скрутилъ. И молчить все, такой гордый, сразу видать, что «онъ», и усы, ваше высокоблагородіе, эти самые, кверху стрѣлками, какъ есть все по патрету....

Но урядникъ договаривалъ все это уже въ спину офицерамъ, которые вскочили и бросились къ дверямъ, чуть не сбивъ его съ ногъ.

Урядникъ посмотрѣлъ на свинину, издававшую вкусный запахъ, на флягу съ коньякомъ, вздохнулъ, и стремительно понесся вслѣдъ за начальствомъ.

У дверей домика, окруженный толпою казаковъ, стоялъ нѣмецкій офицеръ, дѣйствительно поразительно похожій

на Вильгельма. Матюхинъ, разгоряченный удачнымъ дѣломъ и наивной вѣрой, что онъ, Матюхинъ, взялъ въ плѣнъ самого императора германскаго, сиялъ отъ гордости и рассказывалъ товарищамъ, какъ ихъ разъѣздъ наткнулся на нѣмецкій, какъ нѣмцы стали удирать, а они не сплосщали, ссадили съ коней пиками нѣмецкихъ уланъ, а офицера онъ, Матюхинъ, сбиль съ коня.

— Нагнулся я, братцы, къ ему, чтобы руки ему вязать, глядь, а это самый Вильгельмъ ихній и есть! Меня ажъ въ жаръ бросило.

— Не испужался?—любопытствовали казаки.

— Ничаво... Потужѣй ему руки стянулъ, только и всего.

— Молодчага, Матюхинъ! таперь тебѣ, братъ, сразу всѣхъ четырехъ Егоріевъ дадутъ.

— Извѣстное дѣло, не простой офицеръ! Таперь, братъ, нѣмцы обязательно миръ должны просить. Во-какъ, одинъ Матюхинъ всю войну кончилъ!

— Его, братцы, самого теперь въ офицеры произведутъ.

— Во, Матюхинъ, надъ нами командовать станешь.

— Могарычи съ тебя, пока што...

— А, можетъ быть, братцы, это не Вильгелма ищо?—выражали сомнѣніе скептики.

— Какого чорта вамъ еще нужно?—огрызались на нихъ увѣровавшие.—Онъ самый и есть. Урядникъ сразу его призналъ. Усы, одѣтъ чисто. Кому же и быть, какъ не ампиратору германскому?

— И гордый. Ишь грудь пялить!

Плѣнникъ, дѣйствительно, зло и презрительно поглядывалъ на казаковъ и временами подносилъ руку къ торчащимъ усамъ—главному признаку, дѣлавшему его похожимъ на Вильгельма.

— Что, братъ, острили возлѣ него казаки,—таперь не покомандуешь!—Моргень фри—нось утри... Матюхинъ, проси у него таперь, чего хочешь.

Но въ эту минуту выскочили на крыльцо Пархоменко

и Дыня, и урядникъ изъ-за спины офицеровъ скомандоваль «смирно».

Все затихло. Казаки разступились, и «Вильгельмъ» очутился передъ Пархоменко.

Нѣсколько секундъ Пархоменко, Дыня и «Вильгельмъ» молча смотрѣли другъ на друга

— Онъ!—радостнымъ шопотомъ произнесъ въ ухо Пархоменко Дыня.—Миша, ей Богу, онъ. Вылитый!

— Молчи,—толкнулъ его Пархоменко.—Чортъ... Вѣдь тутъ и въ дуракахъ оказаться можно.

Но общій психозъ заразилъ и Пархоменко, а плѣнникъ такъ былъ похожъ на германскаго императора, что колебанія Пархоменко оборвались, и онъ почувствовалъ, какъ радостная волна взмыла его кверху, къ самому небу, закружила и унесла съ собой.

— „Моя сотня взяла въ плѣнъ германскаго императора!“ блеснула мысль, яркая, какъ молнія, и послѣ этой мысли голосъ осторожности и разсудочности долженъ былъ умолкнуть.

— Онъ!—рѣшилъ Пархоменко и сдѣлалъ шагъ къ «германскому императору». А тотъ стоялъ и смотрѣлъ на казачьяго офицера все тѣмъ же холоднымъ и злымъ взглядомъ.

— Подъ козырекъ возьми, подъ козырекъ!—шепталь въ ухо Пархоменко Дыня.

— Дьявольщина!—въ отчаяніи подумаль Пархоменко, машинально взявъ, все-таки подъ козырекъ.—По-нѣмецки я ни «пэ» ни «мэ», что же я ему скажу? Какъ величество-то по-нѣмецки? А чортъ, вотъ оказія?

— Жарь, жарь,—подталкиваль его сзади Дыня.

Нѣмецъ тоже поднялъ руку къ своей каскѣ, и такъ они оба молча смотрѣли другъ на друга.

— Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ?—вспомнилась Пархоменко единственная изъ запечатлѣнныхъ въ его памяти нѣмецкихъ фразъ, и онъ густо покраснѣлъ.

Но молчать было нельзя, въ напряженной тишинѣ

казаки смотрѣли на своего начальника, и Пархоменко наконецъ, рѣшился:

— Ви... кто есть такой?—выпалилъ онъ, коверкая нарочно русскія слова, думая, что въ такомъ видѣ они будутъ понятнѣе «Вильгельму».

— Ферштее нихтъ!—пожалъ плечами нѣмецъ; опустивъ руку. Опустилъ руку и Пархоменко.

— Не понимаетъ!—вздохомъ пронеслось по рядамъ казаковъ.

— Ихъ... ду...—потѣя отъ гигантскихъ усилій, продолжалъ Пархоменко.—Дейне наме... кайзеръ Вильгельмъ? Э?

— Я воль, кайзеръ Вильгельмъ,—отвѣтилъ нѣмецъ, думавшій, вѣроятно, что его спрашиваютъ о томъ, кто его императоръ.

— Слышишь?—толкнулъ Пархоменко въ бокъ Дыню.—Самъ признается!

— Енъ, ёнъ...—опять вздохомъ пронеслося по рядамъ.

— Такъ что, ваше величество, прошу до хаты! опять взялъ подъ козырекъ Пархоменко.—До хаты! Хаусъ, прошу, хаусъ!

И, держа правую руку у козырька своей фуражки, похожей отъ пережитыхъ непогодъ на сѣрый блинъ, онъ лѣвой рукой галантно, и, какъ ему думалось, совершенно по придворному, указалъ нѣмцу рукой на дверь.

— Нахъ хаузе? данке!—отвѣтилъ нѣмецъ, и шагнулъ впередъ, мимо почтительно давшихъ ему дорогу Пархоменко и Дыни.

— Ты иди за нимъ, и стереги,—шепнулъ Дынѣ Пархоменко,—а я сейчасъ прикажу взводу сѣдлать, и повезу его къ полковнику.—Важнецкая, братецъ, штука вышла! Кто бы могъ думать, что мы возьмемъ въ плѣнъ самого Вильгельма?

Дыня проворно юркнулъ за «императоромъ», а Пархоменко поблагодарилъ казаковъ, отвѣтившихъ такимъ ура, что «Вильгельму» въ гостиной вѣроятно не поздоровилось.

Потомъ Пархоменко облобызалъ Матюхина и приказалъ первому взводу готовиться въ путь.

— Повеземъ плѣнника въ штабъ!—сказалъ онъ.

Когда Пархоменко вернулся въ гостиную, онъ засталъ тамъ такую картину: нѣмецъ сидѣлъ на единственномъ стулѣ, а рядомъ стоялъ Дыня, и угощалъ «императора»,

— Кушъ, кушъ,—вспоминая манджурскія словечки,—говорилъ Дыня, показывая на свинину.—Гутъ кушъ, кушъ! Шнапсъ гутъ,—показывалъ онъ на флягу.—Вашъ шнапсъ, дейтшъ шнапсъ тринкенъ!

— О, шнапсъ? Я воль, данке шёнъ, отвѣчалъ «императоръ», уплетая свинину, и пригубивъ нѣсколько разъ флягу съ коньякомъ; злое выраженіе его лица смягчилось, и онъ, видимо, доволенъ былъ тѣмъ почетомъ, который оказывали ему «дизе шреклихенъ козакенъ», и вообразилъ, что такъ и подобаешь относиться къ нему, прусскому лейтенанту.

Когда Пархоменко вошелъ, онъ даже бросилъ ему снисходительно:

— Немень зи платцъ, зетценъ зи зихъ!

Опять червякъ сомнѣнія закопошился было въ душѣ у Пархоменко, но онъ заставилъ замолчать этого червяка; все равно, отступленія уже не было, и нужно было ожидать, что скажетъ штабъ.

— Тамъ разберуть,—рѣшилъ Пархоменко.—Тамъ и по-нѣмецки маракують.

Но когда нужно было садиться на коней, онъ, все-таки, не называлъ «Вильгельма» величествомъ, а только «герромъ».

— Герръ, марширенъ, марширенъ,—показалъ онъ «Вильгельму» на дверь.

— Скорѣй возвращайся!—напутствовалъ его Дыня,—я тутъ отъ нетерпѣнія помру.

— Ладно, выживешь!—саркастически отвѣтилъ ему Пархоменко.

Взводъ уѣхалъ, окруживъ тѣснымъ кольцомъ помѣщеннаго въ серединѣ на казачьемъ конѣ «императора всей Германіи».

Вернулся изъ штаба Пархоменко черезъ пять часовъ чернѣе тучи, и сначала ничего не отвѣчалъ пристававшему къ нему съ нетерпѣливыми разспросами Дынѣ.

Наконецъ онъ не выдержалъ:

— Ты, братецъ, не Дыня,—бросилъ онъ товарищу,— а Тыква, вотъ что! Заладилъ императоръ, да императоръ. Тыфу.

— А кто же онъ?—развелъ руками Дыня.

— Кто? Ни то, ни се, чортъ знаетъ, кто? Запасный лейтенантъ изъ Бреславля, вотъ кто! Сапожная фабрика у него тамъ. Матюхинъ крестъ получить по статуту, а тебѣ и мнѣ фи́га съ масломъ. И чтобъ ты мнѣ больше не смѣлъ про Вильгельма заикаться, драться буду. Тыква!

Дыня уныло поникъ головой, но среди казаковъ еще долго держался слухъ, что пойманъ дѣйствительно Вильгельмъ, но что начальство только потому пока не открываетъ этого, что тогда бы прекратилась война, а намъ нужно еще повоевать, чтобы отобрать побольше земель отъ австрійца.

Н. Плещеевъ.

ВНИМАЯ УЖАСАМЪ ВОЙНЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Кажется, что бредить и стонетъ самый сумракъ, повисшій въ полутемной палатѣ...

Это далекіе отголоски пережитыхъ боевъ, ихъ послѣднее эхо. Вмѣстѣ съ ночнымъ сумракомъ вползаетъ въ палату кровавый кошмаръ и зажигаетъ языками кроваваго пламени сонное полусознание.

Стоны и бормотанье несутся съ многихъ коекъ, поставленныхъ тѣсными рядами, на которыхъ лежатъ сѣрыя фигуры раненыхъ, лежатъ, быть можетъ, такъ же, какъ лежали онѣ на поляхъ сраженій.

— Братцы, братцы! несется откуда-то изъ угла молящій стонъ.—Братцы, не кидайте, братцы, возьмите меня!.. братцы...

Ледяной ужасъ въ этомъ стонѣ. Это бредить раненый при отступленіи.

Онъ ползъ по мокрой землѣ за отступавшей ротой, увязая руками въ грязи и смачивая эту грязь своей теплой кровью, а вокругъ него звучно и злорадно чмокали пули.

Точно плотоядно чмокала губами невидимая пасть земли, готовясь поглотить охваченное болью и ужасомъ человѣческое тѣло.

— Коли, коли его!—раздается выкрикъ съ противоположной стороны.—Коли!

Вскидывается на койкѣ человѣческая фигура, тупымъ

непонимающимъ взглядомъ смотритъ на свѣтлое пятно ночника на стѣнѣ, и безсильно падаетъ опять на койку.

Утомившіеся за день санитары дремлютъ, одинъ спитъ у дверей на табуреткѣ, прилипнувъ спиной къ дверному косяку, другой растянулся прямо на полу, и лежитъ, точно мертвый.

Неслышно входитъ въ палату бѣлая тѣнь—это сестра милосердія. Она—дежурная. Тяжелый трудовой день и теперь бессонная ночь, среди стона и бреда. Подошла къ одной койкѣ, поправила сбившееся одѣяло, потрогала рукой компрессъ на головѣ одного раненаго и больного горячкой, прошла по рядамъ коекъ и присѣла на одну изъ нихъ, уловивъ на себѣ блестящій горячечный взглядъ лежавшаго на ней раненаго.

Это австріецъ, нѣмецъ, но говоритъ по-русски, раненъ тяжело, въ животъ, и вотъ уже нѣсколько дней находится между жизнью и смертью.

Доктора говорятъ—умреть, но уходящая жизнь еще цѣпляется за изнуренное, изболѣвшееся и уже начинающее гнить тѣло, и потрясаетъ его тяжелыми муками.

Вначалѣ этотъ раненый смотрѣлъ звѣремъ, не разговаривалъ, и плюнулъ въ дежурную сестру, которая помогала доктору при перевязкѣ. Но потомъ стихъ, и все пристальнѣе и пристальнѣе всматривался воспаленнымъ взглядомъ въ самоотверженную работу сестеръ.

Пробудилась человѣческая душа и зашевелилась въ ожесточенномъ изболѣвшемся сердцѣ тихая благодарность.

И разговаривать сталъ, и даже попросилъ извиненія у той сестры, которую оскорбилъ при перевязкѣ.

Видимо, очень тронуло его, что та ласково его простила, но не отвѣтилъ онъ ей ничего, и только какъ-то странно отвелъ свой взглядъ къ стѣнѣ.

— Ну что, Гансъ, не спишь?—склонила надъ нимъ дежурная.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ. И добавилъ по-нѣмецки:— «ихъ моге нихтъ шляфенъ».

ВНИМАЯ УЖАСАМЪ ВОЙНЫ...

(Иллюстрація къ разсказу.)

Собств. „Пассажира“.

— Ну, я посижу съ тобой.

Затихъ на секунду, но все смотрѣлъ на нее, точно тая какую-то думу, тяжкую и горячечную, которая давила его такъ же, какъ давило страданіе.

— Сестра, я сегодня умру, — тихо произнесъ онъ. — Нельзя ли написать въ Вѣну, матери? Она меня ждетъ... такъ, чтобы не ждала.

— Полно, голубчикъ, ты еще поправишься, а когда окончится война, тебя отпустятъ домой.

— Нѣтъ, я умру, — добавилъ онъ настойчиво. И, помолчавъ, продолжалъ, — такъ мнѣ и нужно. Я совершилъ преступленіе, сестра, и долженъ понести возмездіе.

— Не надо думать объ этомъ, — отвѣтила она. — Теперь ты только раненый, и тебѣ нужно думать только о выздоровленіи.

— Да, если бы вы, сестра, не были такъ похожи на нее, — пробормоталъ онъ.

— Да, не были такъ похожи на нее, и не обращались бы со мной съ такой любовью, точно я вамъ братъ... Я долго думалъ, и теперь рѣшилъ все рассказать вамъ, какъ на исповѣди. Если вы отвернетесь отъ меня, если вы плюнете мнѣ въ лицо, я буду этого достоинъ. Я рѣшилъ.

Онъ застоналъ отъ мучительной боли, но пересилилъ боль и продолжалъ:

— Сестра, вы хотѣли знать, почему я такъ хорошо говорю по-русски? Я долго жилъ въ Россіи и служилъ въ послѣднее время на границѣ въ одномъ имѣніи управляющимъ. Тамъ была дочь моего хозяина — помѣщика, полька, такая же, какъ вы. Когда я увидѣлъ васъ, я испугался: мнѣ показалось, что воскресла панна Юзефа. Воскресла, и подходитъ ко мнѣ, чтобы свершить надо мною казнь, которую я заслужилъ. И я отвернулся отъ васъ въ ужасѣ и закрылъ глаза. Вы помните это?

— Да, — отвѣтила она тихо.

— Я былъ влюбленъ въ панну Юзефу, и еще до войны пытался овладѣть ей. Я заманилъ ее въ садъ, и тамъ... тамъ

она такъ отхлестала меня по лицу хлыстомъ, что я не вернулся больше въ имѣніе, а тотчасъ же уѣхалъ въ Варшаву, а оттуда въ Вѣну. Уѣхалъ, поклявшись отомстить.

А потомъ, началась война, меня призвали, и вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ я попалъ опять въ то самое имѣніе, которымъ такъ недавно управлялъ.

Мы захватили и пана, и панну, наши солдаты разграбили все, а я... такъ видно, было суждено, я завладѣлъ панной.

Я взялъ ее силой, она была какъ сумасшедшая. И такъ какъ она расцарапала мнѣ въ кровь все лицо и укусила меня за щеку, я разсвирѣпѣлъ, и я убилъ ее, забросавъ потомъ трупъ соломой, чтобъ онъ не попался на глаза нашему полковнику.

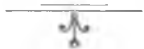
Я совершилъ гнусное преступленіе, сестра, и никогда не сознался бы въ немъ, если бы не вы... если бы вы не были такъ похожи на убитую, если бы вы не отнеслись ко мнѣ такъ, какъ я не заслуживаю. Я хочу не прощенія, меня нельзя простить, и если бы я былъ офицеромъ, я приказалъ бы немедленно разстрѣлять такого негодяя, какъ я. Но я хочу, чтобы всѣ знали, что передъ смертью Гансъ сталъ человѣкомъ и ужаснулся омерзительности того, что онъ сдѣлалъ. А теперь—уходите отъ меня скорѣй, уходите...

Онъ заметался по койкѣ, а она встала, и блѣдная и тихая, поплыла въ сумракъ палаты по рядамъ коекъ.

Не видно было ея лица, но тишина, нарушаемая только стонами и бредомъ, стала еще зловѣще.

Утромъ санитаръ подошелъ къ койкѣ австрійца. Тотъ былъ мертвъ, и въ застывшихъ чертахъ его лица было мрачное спокойствіе осужденнаго.

Алексѣй Орловъ.

НѢМЕЦЪ ВЪ МОРѢ.

На горизонтѣ суда военного типа,
идуть къ Бѣлому морю.

Гамерфестъ (Норвегія), Генера-
льный консулъ (телеграмма).

Капитану «Марты» Вардэ.

Въ море не выходить. Сорока бло-
кирована. Въ Бѣломъ морѣ нѣмецкая
эскадра (Частная телеграмма.)

Нѣмецъ въ морѣ! Прощай всѣ планы и расчеты! Надо
удирать, и единственный способъ—прорваться на парус-
никѣ.

— Итакъ, бѣжимъ?

— Бѣжимъ!—дружно отвѣчаетъ разношерстная ком-

панія, застрявшая во время объявленія войны далеко за полярнымъ кругомъ.

— Ну, ребята, съ Богомъ! Катай якорь!

— Есть!—и четыре пары ногъ дружно затопали по палубѣ, вокругъ шпиля.

— Кливера сади! ¹⁾

«Марія» дрогнула разъ, другой и, хвативъ вѣтра, по-
неслась, разсѣкая грудью волны Лёдовитаго океана.

— Вотъ ты и догони!..

— На оленяхъ не достичь!

— Манька! Она, братъ, не выдастъ!—сильно «воротя»
на «о» обмѣниваются впечатлѣніями матросы.

— А ты подъ вѣтеръ-то не вѣй! ²⁾

— Подвахтенные ³⁾, иди внизъ!—хмуро обрываетъ себе-
сѣдниковъ капитанъ.

— Василий Семенычъ, прикажите огни ⁴⁾ поставить?—
спрашиваетъ «зукъ» ⁵⁾ Митька.

— Я т-тебѣ такіе огни поставлю...

Митька кубаремъ отлетѣлъ къ фокъ-мачтѣ ⁶⁾ и, въ сму-
щеніи, схвативъ линекъ ⁷⁾, сталъ его вплѣсывать ⁸⁾ въ
конецъ ⁹⁾ отъ кранца ¹⁰⁾.

— Ахъ, собачій сынъ, собачій сынъ...—ворчитъ капи-
танъ и, раскачиваясь, идетъ къ каютѣ.

— Ишь какую, подгадокъ, штуку удумалъ! А?.. Ну,
и народъ!—и еще разъ озабоченно окинувъ глазами гори-

---

¹⁾ Передние паруса въ видѣ узкихъ треугольниковъ.

²⁾ Не говори подъ руку.

³⁾ Не дежурные.

⁴⁾ Въ морѣ выставляются во время хода отличительные огни.

⁵⁾ Зукъ—юнга.

⁶⁾ Передняя мачта.

⁷⁾ Небольшая веревка.

⁸⁾ Вплетать.

⁹⁾ Веревка.

¹⁰⁾ Плетеный изъ веревокъ шаръ или груша, служить для умень-
шенія тренія бортовъ о пристань.

зонть съ высоты вынырнувшей на волну шкуны ¹⁾, Василий Семеновичъ скрылся въ каюту.

«Дз-нн-а-ахъ, тр-р-а-ахъ, дз-нн-ахъ, т-р-р-а-ахъ», монотонно стонуть переборки ²⁾ подъ ударами волнъ, накидывающихся на «Марію».

— Вотъ, вотъ, вотъ... такъ его, нѣмца проклятаго...

— Пешней, пешней ³⁾ его!..—во снѣ, кто-то неразборчиво стонетъ, въ едва освѣщенномъ тусклымъ свѣтомъ корабельнаго фонаря, углу каюты.

Дзи-нъ! Тр-р-рахъ!

— А-ахъ! Девятка ⁴⁾ проклятая!—спросонокъ, мутнымъ взглядомъ уставился рыжебородый боцманъ Семенычъ на сорвавшуюся изъ гнѣзда ⁵⁾ и катающуюся по полу кастрюлю. И надо бы поднять, да вставать не охота, и снова «заспаль», упавъ головой на бочку, съ набитой доской, служившей столомъ.

Мигая, качается фонарь, скрипятъ переборки, надѣдливо стуча катается по полу кастрюля. Какіе-то непонятные звуки несутся изъ коекъ. А изъ головы не выходитъ мысль:

— Удеремъ или нѣтъ?

До Александровска близко, и какъ-то не вѣрится въ возможность быть въ плѣну у нѣмцевъ. Не вѣрится, что «Марію» потопятъ, что придется сидѣть въ тюрьмѣ, подъ карауломъ, или еще хуже—вмѣстѣ съ судномъ и грузомъ отправиться къ рыбабъ. Давитъ какой-то жуткій кошмаръ, въ которомъ перепутались и кастрюля, и нѣмцы, и почему-то—китъ, съ огромной, разинутой пастью, а от-

---

¹⁾ Парусное двухмачтовое судно.

²⁾ Перегородки.

³⁾ Ломъ, съ деревянной ручкой.

⁴⁾ Девятый валъ—самый сильный изъ предыдущихъ, бываетъ иногда десятимъ—двѣнадцатымъ.

⁵⁾ Мѣсто, гдѣ бывають укрѣплены мелкіе предметы.

туда выглядываетъ, насмѣшливо улыбающееся, лицо нашего капитана, говоря:

— Ну, вотъ и удрали, удрали, удрали!..

— Василій Семенычъ, Василій Семенычъ! Дымокъ видно: нѣмцы!—будить дрожащимъ голосомъ капитана «зуюкъ».

Боцманъ уже въ люкъ ¹⁾ напаяливаетъ на голову зюйдъ-вестку ²⁾. Въ каюту ворвался вѣтеръ, принесъ съ собой массу мелкой водяной пыли.

Капитанъ вскочилъ, тупо уставился на Митьку и вдругъ, не сохраняя равновѣсія, какъ-то странно изогнувшись, дернулся всѣмъ тѣломъ впередъ и, ударившись головой о бочку, забарахтался подъ столомъ.

— А наверху уже шла работа.

«Марія», въ мгновеніе ока одѣвшись парусами, неслась какъ бѣшеная, глубоко зарываясь носомъ въ воду.

Мачты гнутся въ дугу.

— Что скорѣй, паруса или стеньги ³⁾ снесетъ вѣтеръ?—вертится у тревожно толпящихся около борта матросовъ.

— На насъ ку-у-урсъ держу-у-уть!⁴⁾—едва можно за вѣтромъ разобрать крикъ сидящаго въ марсовой бочкѣ ⁵⁾ вахтеннаго ⁶⁾.

— Кр-р-р-ахъ!—раздается вдругъ звукъ лопнувшего паруса.

И крѣпко, какъ будто отдернулъ, выругался капитанъ.

— Фокъ-марсель ⁷⁾ мѣнять. Неча лясгорить-то ⁸⁾!—командуетъ онъ.

---

¹⁾ Люкъ—входная дверь въ каюту или отверстіе въ палубѣ, во время волны наглухо закрытая доска.

²⁾ Желтая шляпа, сдѣланная изъ парусины и проолифленная.

³⁾ Верхнее дерево, изъ двухъ составляющихъ мачту.

⁴⁾ Идутъ на насъ.

⁵⁾ Наблюдательная бочка, привязанная къ мачтѣ на высотѣ площадки—марса.

⁶⁾ Дежурный.

⁷⁾ Название парусовъ.

⁸⁾ Не болтай.

— Есть!—пробѣгая къ гротъ-мачтѣ, на ходу выкрикиваютъ матросы.

На горизонтѣ, когда «Марія», отряхиваясь, какъ утка, выскакиваетъ на «взводень», можно съ трудомъ разглядѣть два парохода, собственно даже не пароходы, а только ихъ дымки, зловѣще черной змѣей стелящіяся надъ мгlistымъ горизонтомъ.

— Право, больше право!

— Есть право.

— Больше право! На бортъ!—нервничаетъ капитанъ.

— Есть право на бортъ!—даже не смахивая съ лица воды и впившись глазами въ утлегарь ¹⁾ и горизонтъ, какимъ-то необычнымъ голосомъ отвѣчаетъ штурвальный.

— Митька, тащи бинку! ²⁾

— Въ ей стякла нѣту...

— У чортъ!..

— Василий Семенычъ, они ближе идутъ... Одинъ въ перерѣзъ ударился!—доложилъ только что спустившійся съ мачты Семенычъ.

— Рифы отдать! ³⁾

И матросы какъ будто только ждали этого, въ штурмъ почти равносильнаго гибели, приказанія.

Теперь «Марія» уже не только неслась, а какъ-то странно дергалась.

Рулевой и двое подручныхъ едва сдерживали бѣшено рвущійся изъ рукъ штурваль ⁴⁾.

Команда, безнадежно оглядывавшая горизонтъ, угрюмо готовила гарпуны ⁵⁾ и аншпуги ⁶⁾; кто-то вытащилъ три

---

¹⁾ Утлегарь—наклонное дерево, прикрѣпленное къ другому, крѣпко вдѣланному въ носъ корабля. Положеніемъ утлегаря на горизонтѣ рулевой руководствуется, правя кораблемъ.

²⁾ Бинобль.

³⁾ Увеличить площадь парусности.

⁴⁾ Рулевое колесо.

⁵⁾ Родъ короткаго копья, которымъ бьютъ рыбу.

⁶⁾ Дубовый, вершка въ два въ поперечень, брусъ, на концѣ окованный желѣзомъ.

старых промысловыхъ ружья и сосредоточенно заряжалъ ихъ разрывными пулями на медвѣдя. Губы сжаты, въ рукахъ легкая дрожь.

Но вотъ, вдали, показалась какая-то синева.

— Туманъ на «остѣ» ¹⁾. Туманъ!—раздались затеплившіеся надеждой голоса.

— Ну, теперь уйдемъ!

— Да, чорта смоленого... Начнутъ сейчасъ палить, да какъ разъ къ рыбама уйдешь!

И какъ будто въ отвѣтъ на эти слова, на одномъ изъ пароходовъ показался дымокъ и грохнулъ выстрѣлъ.

— Первый—холостой, второй—боевой ²⁾,—задумчиво, какъ будто про себя, бормочетъ Семенычъ и, обращаясь къ капитану, говоритъ:

— Василій Семенычъ, выкинуть флагъ-то што ли?

— У нихъ-то, вѣдь, чай, нѣту?

— Не, не видать...

— Ну, дыкъ, и къ чорту: пушай сами сперва выкинуть!

Туманъ близится. Но пароходы все-таки идутъ быстрѣе, чѣмъ груженная, выше красной линіи ³⁾, шкуна.

«Бумъ!» раскатисто ухнуло сзади, и невдалекѣ взбрызнулъ фонтанъ.

— Не долетѣть!—проговорить кто-то.

— Лисселя ⁴⁾ сади!—сквозь вой вѣтра и шумъ волнь прорывается голосъ капитана.

Команда неловко затопталась на мѣстѣ, недоумѣло поглядывая на капитана: «не ослышались ли молъ?»

— Лисселя сади! Вамъ говорятъ, скоты мохнорылые!—

---

¹⁾ На востокъ.

²⁾ По морскимъ законамъ военное судно, первымъ холостымъ выстрѣломъ приглашаетъ другое судно, обыкновенно преслѣдуемое, выкинуть флагъ и остановиться; другой выстрѣлъ дается боевой.

³⁾ Линія, по которую грузится судно, если она подѣ водой, то судно уже перегружено.

⁴⁾ Передние паруса трехугольной формы.

рявкнулъ Василій Семенычъ и со зла ткнулъ въ шею под-
вернувшагося подъ руку Митьку.

Взвились бѣлые треугольники, «Марія» нырнула и
набѣжавшая волна прокатилась по палубѣ, унося съ собой
запасный карбась ¹⁾).

— Кливеръ и лиссель,—шкоты ²⁾трави!³⁾ Баковый люкъ
открой! ⁴⁾ Грузъ за бортъ!—хрипло кричалъ капитанъ.

Одна за другой полетѣли за бортъ бочки, и облегченная
«Марія», выскочивъ на взводень ⁵⁾, вдругъ очутилась въ
полосѣ густой, сѣверо-океанской «мари» ⁶⁾).

Вѣтеръ немного спалъ. Лишніе паруса убрали.

— Ну, ребята, молись Богу!—говоритъ Василій Семен-
нычъ и нескладно, сбиваясь, начинаетъ читать «Отче нашъ».

Какъ вѣтромъ, снесло съ головъ шапки. Замелькали кре-
стящіяся руки. Митька, не выдержавшій нервнаго напря-
женія, молча утираетъ кулакомъ слезы, оставляя на лицѣ
грязныя полосы, сейчасъ же смываемыя брызгами волнъ.

И лишь только зажелтѣлись опять зюйдъ-вестки на
головахъ, какъ съ марсовой бочки раздался крикъ.

— Земля на штирь-бортъ! ⁷⁾

Капитанъ съ боцманомъ напряженно всматриваются
въ далекую полосу синевы, выглянувшую изъ пронесшейся
полосы тумана.

— А, вѣдь, это—Александровская щель!

— Не, Василь Семенычъ, это, надо быть, Кильдинскія
луды ⁸⁾).

— Не могли же мы въ четыре часа шестьдесятъ
миль пройти.

---

¹⁾ Лодка.

²⁾ Веревки, которыми управляются названные паруса.

³⁾ Ослабить.

⁴⁾ Отверстіе въ палубѣ, въ передней части корабля.

⁵⁾ Гребень волны.

⁶⁾ Туманъ съ дождемъ.

⁷⁾ Правый бортъ.

⁸⁾ Маленькіе островки съ подводными камнями.

— А вѣдь какъ шли-то? Какъ только Богъ спасъ...

— А, вѣдь, вѣрно: это—Кильдинъ,—сказалъ, помолчавъ, капитанъ.

— Надо бы шлюпку выслать, узнать, нѣтъ ли нѣмцевъ, да въ дрейфъ ¹⁾ не ляжешь—волна большая...

— А во-онъ тамъ, за лудами-отъ, якорь бросимъ,—совѣтуетъ Семенычъ.

— Ну, инъ ладно, за лудой—такъ за лудой...—и, ставъ около штурвала, капитанъ началъ осторожно спускаться къ вѣтру, чтобы войти въ щель, между большой и средней Кильдинскими лудами.

— Здравствуй, Василий Семенычъ! Здравствуй, родной! Какъ Богъ пронесъ?—здоровался, немного нараспѣвъ и воротя на «о», пріѣхавшій съ высланной на берегъ шлюпкой²⁾ поморъ.

— Ну, какъ тутъ у васъ? Спокойно? Объ нѣмцахъ-то слышно что?—спрашиваетъ Василий Семенычъ.

— Да все порато, очень даже порато ³⁾. А объ нѣмцахъ ничего не слышать. Хотѣлъ я нонче въ Александровъ за хлѣбомъ сходить, да погодно больно.

— А въ Александровъ-то какъ?

— А какъ? Да ничего! Болтали тутъ по началу, что будто у Скопорева боть ⁴⁾ нѣмцы отняли. Да онъ, вчерась, на емъ изъ Александровска вернулся. Сказывалъ, будто въ морѣ «Баканъ» ²⁾ ходитъ, да нѣмецкіе парусники, что изъ Архангельска ушли, ловить. А больше ничего нѣтъ...

— Ну, ладно, Макаръ Степанычъ, прощай пока, а мы въ Александровъ теперь пойдемъ узнавать.

---

¹⁾ Не бросая якорь, расположить паруса такъ, чтобы корабль стоялъ почти на мѣстѣ.

²⁾ Небольшое промысловое судно.

³⁾ Хорошо.

⁴⁾ «Баканъ»—дозорное судно въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, охраняющее промыслы отъ хищенія иностранцевъ.

— Такъ это, значить, Василій Степанычъ, ты насъ за нѣмцевъ принялъ? Спасибо! Ха-ха-ха!

— Видить Богъ, ваше благородіе, все этотъ смотрительшко Вайдогубскій навралъ! Когда это, значить, уходили мы изъ Печеньки, насъ еще Константинъ Палычъ упреждалъ: «не ходите, молъ, нѣмецъ въ моръ ходить»; сегодня, молъ, только еще шесть судовъ видѣли, телеграмъ была...

— Эхъ, чортъ!—выругался съ досады помощникъ исправника.—И чего только не наврутъ со страху?! Шлялись это въ моръ нѣмецкіе пароходы, что изъ Архангельска убѣжали, ну, мы ихъ и ловимъ теперь, четыре забрали, а два куда-то къ Новой Землѣ ушли.

— Это намъ неизвѣстно было, ваше благородіе! Мы ушли, никакихъ слуховъ, кромѣ что «Николай» да и «Ломоносовъ» больше ходить не станутъ,—не было. А теперича-то вонъ что оказывается и нѣмцевъ-то никакихъ нѣтъ!

— А почему жъ, все-таки, ты флага не выкинулъ?

— Да помилуйте, ваше благородіе,—обидно стало: стрѣляютъ, да еще имъ первый флагъ выкидывай!

— Эхъ! Слѣдовало бы тобой, по закону, за необъявленіе національности казенныхъ вшей покормить, ну да ужъ за удалъ Богъ съ тобой! Мы думали, сумасшедшій что ли какой, или везетъ что-нибудь очень важное? Въ этакій штормище всѣ паруса выставилъ! А? И какъ только тебѣ мачтъ не снесло?

— Видно, Богъ спасъ, ваше благородіе!

— Да, ужъ дѣйствительно,—Богъ спасъ... Ну-ка, обнови бутылочки-то!

— Эй, Митька, тащи коробъ-отъ!—крикнулъ Василій Семеновичъ въ прихожую, удивленно глядѣвшему на развѣшанныя объявленія, «Зуйку».

Николай Бывалый.

Лубочная итальянская карикатура времени Балканской войны славянь съ Турціей, изображающая догорающій исламъ. Всѣ народности радуются разгрому Турціи, исключая Германиі. Карикатура крайне характерна теперь, когда Италія вышла изъ тройственного союза и готовится пойти противъ нѣмцевъ.

С О Н Ъ.

(Очеркъ.)

I.

Война была объявлена. Весь городъ цѣлый мѣсяцъ ожидалъ этого извѣстія, но когда, наконецъ, получилась телеграмма,—она всѣмъ показалась неожиданной. Всѣ и все пришли въ волненіе; на улицахъ царило необычайное движеніе; на каждомъ перекресткѣ встрѣчались отряды вооруженныхъ солдатъ, гремѣли тяжело нагруженные обозы, проходили отряды ратниковъ съ крестами на шапкахъ, площади были запружены народомъ, церкви были открыты, а въ воздухѣ тревожно и торжественно гудѣли колокола. Война уже чувствовалась.

Я пришелъ домой съ печатнымъ бланкомъ телеграммы и увидѣлъ испуганную и блѣдную жену. По необычайному гулу и колокольному звону она уже догадалась и встрѣтила меня тревожнымъ и вопросительнымъ взглядомъ.

— Война!—сказалъ я, подавая ей печатный бланкъ.— Но не тревожься: до насъ-то конечно, непріятель не до берется.

Непріятель! До этой минуты я никогда не думалъ о томъ, что у меня гдѣ-то есть непріятель, который въ свою очередь не знаетъ меня, но почему-то хочетъ и долженъ сдѣлать мнѣ зло, лишить меня моего маленькаго мирнаго семейнаго счастья, привычнаго уголка, всего,

съ чѣмъ я сроднился. Кому было нужно мое маленькое простое человѣческое счастье? Кто могъ ему позавидовать? Но теперь я уже сознательно чувствовалъ, что у меня есть непріятель, который можетъ лишить меня всего, и я тревожился и уже заранѣе его ненавидѣлъ.

— Боже мой,—проговорила жена,—какъ это ужасно!

— Не бойся, милая,—проговорилъ я, стараясь казаться спокойнымъ,—хотя нашъ городъ и недалеко отъ границы, но не думаю, чтобы онъ очутился въ районѣ театра войны.

— Дай-то Богъ, — прошептала жена.—А то вѣдь намъ придется лишиться и домика, и всего, что мы собрали.

Голосъ у нея дрогнулъ и глаза наполнились слезами.

— Ну вотъ,—сказалъ я съ напускной шутливостью, хотя мнѣ самому было тяжело и смертельно жаль мою бѣдную малютку,—непріятель во всякомъ случаѣ цивилизованное государство. Если бы, положимъ, нашъ городъ и былъ занятъ, повѣрь, что насъ и нашъ домикъ не тронутъ.

Жена недовѣрчиво покачала головой.

— Все-таки это война, и я боюсь!

Я боялся тоже, но какъ мужчина, я долженъ былъ это скрывать. Мой сынишка, шестилѣтній Коля, подбѣжалъ къ намъ веселый и розовый, сіяя глазенками. Онъ вскарабкался ко мнѣ на колѣни, прижался къ моей груди своимъ мягкимъ дѣтскимъ тѣльцемъ и защебеталъ:

— Папа, и я на войну! У меня есть ружье и сабля. Я не сломалъ. Помнишь, мама мнѣ подарила на елку?

Какъ я любилъ этого мальчугана, какъ я старался тщательно наблюдать, какъ его маленькое сознание постепенно растетъ и развивается. Если бы онъ умеръ, мнѣ казалось, я не перенесъ бы этого удара.

И вотъ потянулись дни тревожнаго ожиданія чего-то рокового и неизбежнаго. Черезъ городъ безостановочно шли солдаты, гремѣли пушки, тащились обозы. Тамъ

Осажденный городъ.

гдѣ-то уже бились, но до насъ еще не доносились отголоски военной грозы, и мы не знали, чья сторона беретъ верхъ: наша или непріятельская. Жизнь въ городѣ вздоржала втрсе, и мы, привыкшіе жить въ довольствѣ, должны были терпѣть недостатки иногда въ самомъ необходимомъ. Но это было еще ничего: гораздо хуже было томительное ожидание и полная неизвѣстность. А войска есе тянулись и тянулись точно имъ не было конца.

Наконецъ, въ городъ прибылъ первый транспортъ раненыхъ. Мы ходили смотрѣть, какъ изъ вагоновъ выносили и выходили сами сѣрыя изможденные человѣческія фигуры; это были страдальцы, которые мало напоминали бы военныхъ, если бы не ихъ форменная одежда. Они сообщили дурныя вѣсти: наши войска дрались храбро, но непріятель успѣлъ быстро сконцентрировать свои войска и бралъ численнымъ перевѣсомъ. Наши отступали, отступали по направлению къ нашему городу.

— Но вы не бойтесь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. — Городъ мы во всякомъ случаѣ не отдадимъ врагу. Окопаемся и будемъ отсиживаться въ крайнемъ случаѣ, пока не подойдутъ подкрѣпленія. Этого нужно было ожидать: у непріятеля пути сообщенія гораздо лучше!

И я тогда понималъ, что этого нужно было ожидать, что боязнь жены, внушенная ей инстинктивно — оправдывалась, и сердце мое сжалось въ мучительномъ предчувствіи чего-то зловѣщаго.

— Но вѣдь мирнымъ жителямъ можно будетъ уѣхать? — спросилъ я.

— Конечно, но едва ли это будетъ лучше... Вы попадете въ районъ дѣйствія сѣверной арміи, и, очень можетъ быть, враги насъ опередятъ. Оставаться, мнѣ кажется, лучше.

Я ничего не сказалъ женѣ, но она догадалась сама, хотя не сказала мнѣ ни слова. Она сдѣлалась какъ-то сдержаннѣе и сосредоточеннѣе и съ хлопотливой мол-

чаливостью прятала въ болѣе безопасныя мѣста имущество.

— Они будутъ стрѣлять изъ пушекъ,—сказала она, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Неужели ты думаешь, что цивилизованный непріятель будетъ стрѣлять изъ пушекъ въ дома мирныхъ обывателей!—попытался я солгать, и сердце мое опять сжалось въ мучительной тревогѣ за дорогія мнѣ существа.

Жена покачала головой.

— Зачѣмъ ты пытаешься меня обмануть, какъ ребенка? Я не знаю вашихъ мужскихъ законовъ, но знаю, что война—величайшее зло, и на войнѣ не щадятъ никого, особенно при осадахъ.

— При канонадѣ мы будемъ прятаться въ погребъ,—попробовалъ я найти выходъ.

— Объ этомъ надо подумать,—отвѣтила жена серьезно.

Но вотъ показались, наконецъ, въ городъ наши арьергарды, и закипѣла работа. Вокругъ города рылись траншеи, насыпались земляные валы, городскіе обыватели работали вмѣстѣ съ солдатами надъ созданіемъ странныхъ для меня земляныхъ сооружений, цѣль которыхъ, я понималъ, было спасти нашъ городъ отъ угрожающаго непріятели. Мы тоже не дремали: тамъ спасали городъ—мы спасали свою жизнь и свое имущество. Погребъ мы превратили въ землянку, поставили въ немъ печь, обшили досками стѣны, перенесли мебель... Въ немъ было темно и сыро, но зато мы были увѣрены, что здѣсь безопасно.

Пришла, наконецъ, въ городъ и вся армія, а за нею по пятамъ подошелъ непріятель. Въ первый разъ мы услышали вблизи пушечные выстрѣлы, и намъ казалось, что отъ этого гула обрушатся всѣ дома. Нашъ домикъ стоялъ съ осыпавшимися стеклами, пустой и безпріютный. Въ нѣк-торыхъ мѣстахъ уже вспыхивали пожары.

Вечеромъ, жена и сынъ, утомленные, заснули, а я вышелъ изъ погреба. Громъ орудій не умолкалъ, зарево разстилалось надъ городомъ, и временами раздавались взрывы лопавшихся въ городъ бомбъ и трескъ разрушаемыхъ построекъ.

Настала ночь, ужасная ночь. Канонада усилилась. Это былъ адъ, настоящій адъ. У насъ въ погребѣ тускло горѣла въ сыромъ воздухѣ лампа, сынишка спалъ, разметавшись на кровати и безпокойно вздрагивая, когда канонада усиливалась, жена сидѣла, склонившись надъ нимъ, блѣдная и испуганная. Я стоялъ у входной двери; сердце во мнѣ замирало, когда я взглядывалъ на эти дорогія мнѣ существа. Никогда я нененавидѣлъ такъ страстно эти международныя осложненія, эти войны, которыя подвергали опасности мое мирное существованіе простаго человѣка, разбивали мое счастье, грозили дорогимъ мнѣ людямъ...

Вдругъ раздался страшный трескъ, и я потерялъ сознание. Когда я очнулся, кругомъ было темно, гулъ выстрѣловъ попрежнему висѣлъ въ воздухѣ, я видѣлъ надъ головой звѣзды, блестящія ко мнѣ сверху сквозь безобразное отверстіе, и въ это отверстіе шелъ снизу изъ ямы ѣдкій и удушливый дымъ.

Ужасное предчувствіе пронизало мой мозгъ. Я позвалъ жену, сына. Отвѣта не было, я поднялся, не чувствуя, что я самъ раненъ, что я черезъ силу двигаю избитыми ногами. Дыханіе спиралось у меня въ груди и крикъ, дикій, безумный крикъ, нечеловѣческаго страданія не могъ вырваться изъ охваченнаго спазмой горла. Медленно, натываясь въ темнотѣ на тлѣющіе обломки, добрался я до мѣста, гдѣ стояла кровать, на которой спалъ мой маленькій сынишка и сидѣла жена... Протянутыми впередъ, въ темнотѣ въ ужасѣ ошупывающими руками я коснулся наконецъ... Великій Боже! я коснулся истерзанныхъ труповъ моихъ дорогихъ, моихъ милыхъ...

Мы осаждали непріятельскій городъ. Война велась уже нѣсколько мѣсяцевъ, и теперь побѣждали и осаждали мы. Тамъ за нами были сожженные и разрушенные города, тысячи труповъ, тысячи осиротѣлыхъ дѣтей, но были нужны еще другія тысячи, другія разрушенія и смерти, и мы двигались впередъ, все дальше и дальше въ непріятельскую страну, пока не осадили городъ.

Исхудавшій, посѣдѣлый, я былъ теперь солдатомъ. Я смотрѣлъ равнодушно въ глаза смерти, а убивать доставляло мнѣ наслажденіе. Лишь бы побольше ихъ было, побольше. Я мстилъ, я сгоралъ отъ мучительнаго желанія мстить этому врагу, который отнял у меня все, все... и я страдалъ отъ невозможности утолить мое мщеніе, потому что оно было неутолимо. Военная наука оказалась для меня нетрудной, можетъ-быть, мнѣ, впрочемъ, помогало мое жгучее чувство мести.

Однажды мы брали приступомъ непріятельскій редутъ, и я однимъ изъ первыхъ, стискивая въ рукахъ ружье, вскочилъ на сѣрый земляной брустверъ. Передъ моими глазами волновались отступавшіе въ паникѣ синіе непріятельскіе мундиры, и я бросился на нихъ. Кучка отступавшихъ столпилась въ углу стрѣлковаго ровика и бросила ружья. Они сдавались, протягивали ко мнѣ и моимъ товарищамъ руки съ бѣлыми платками, становились на колѣни. Мы перебили ихъ всѣхъ. Одинъ изъ нихъ былъ юноша, почти мальчикъ. Я убилъ его самъ, и еще разъ, уже мертвому, вонзилъ штыкъ въ грудь.

Меня всегда посылали въ самыя опасныя командировки, но я какимъ-то чудомъ оставался живъ, и продолжалъ мстить и мстить. Когда мы осадили городъ и послѣ долгой бомбардировки готовились итти на приступъ, меня съ отрядомъ охотниковъ назначили итти первымъ.

Была темная ночь. Выстрѣлы нашихъ орудій крас-

нымъ пламенемъ освѣщали на мгновеніе земляныя линіи нашихъ укрѣпленій, лафеты и прислугу, а надъ городомъ висѣло зарево, но и тамъ вспыхивали, впрочемъ, рѣдкіе красные огоньки отвѣтныхъ выстрѣловъ. Мы шли, тихо подбираясь къ передовой линіи непріятельскихъ укрѣпленій, и когда взвилась изъ нашего лагеря сигнальная ракета, бросились въ штыки на неожиданнаго атаки, ослабленнаго долгой осадой, непріятеля.

Я не помню ничего. Крики, выстрѣлы, стоны, топотъ тысячъ ногъ бѣгущихъ людей, гулъ орудій, огни, лязгъ штыковъ—все это пронеслось какъ вихрь, и я увидѣлъ себя бѣгущимъ по улицамъ города, освѣщеннымъ заревомъ частыхъ пожаровъ. Я бѣжалъ, стиснувъ зубы, прижавъ къ груди прикладъ моего ружья, ища и не находя себѣ жертвы. Вдругъ какой-то человекъ съ блѣднымъ лицомъ промчался мимо меня и бросился въ открытыя двери сравнительно уцѣлѣвшаго дома. Это былъ непріятель. Онъ былъ безоруженъ, и я замѣтилъ его полный ужаса взглядъ, который, пробѣгая, онъ бросилъ на меня. Я устремился за нимъ.

Онъ мчался отъ меня по лѣстницѣ вверхъ, удваивая отъ страха свои силы и быстроту своего бѣга, но я не отставалъ.

Наконецъ, онъ достигъ двери, прыгнулъ въ нее, и я слышалъ, какъ щелкнулъ внутри замокъ. Но сильный ударъ прикладомъ — и замокъ былъ сломанъ, и я ворвался въ комнату.

Я увидѣлъ женщину, еще молодую, съ перекосившимся отъ ужаса лицомъ. Одной рукой она прижимала къ себѣ пятилѣтняго мальчика, другой инстинктивно закрывала голову. Блѣдный человекъ былъ тутъ же. Онъ упалъ предо мной на колѣни, и по лицу медленно ползли слезы. Я захохоталъ и занесъ ружье надъ головой, чтобы ударить его прикладомъ и размозжить ему черепъ, какъ вдругъ мальчикъ выскользнулъ изъ рукъ державшей его женщины и съ крикомъ:

— Папа! милый папа!—бросился къ стоявшему на колѣняхъ блѣдному человѣку.

Жгучее воспоминаніе мелькнуло въ моей душѣ, ружье, гремя, выпало изъ моихъ рукъ, я зашатался, закрылъ лицо руками, а изъ моихъ глазъ, сквозь пальцы, потекли не слезы, а расплавленное олово, которое, казалось, могло прожечь землю...

И вдругъ я проснулся. Это, слава Богу, былъ сонъ: я заснулъ въ своей комнатѣ за столомъ, на которомъ лежалъ свѣжій нумеръ газеты съ послѣдними отчетами о войнѣ. Въ сосѣдней комнатѣ разговаривала жена, весело и беззаботно раздавался дѣтскій смѣхъ, и невольно, еще не оправившись вполнѣ отъ тяжелаго кошмара, я подумалъ, какой ужасъ царить теперь тамъ, гдѣ люди должны уничтожать другъ друга.

Ив. Митропольскій.

КАЗНЬ ШПІОНА.

Разсказъ Роберто Бракко.

(Переводъ съ итальянскаго).

— Вы, хотите знать, синьоръ, чѣмъ замѣчательна эта маленькая станція, которую мы только что съ вами миновали, и за которой въ нѣсколькихъ миляхъ начинается уже Австрія, то-есть итальянскія, кровныя, синьоръ, итальянскія земли, отнятыя у Италіи нѣмцами, будь они прокляты?

Такъ я вамъ скажу, синьоръ: эта станція знаменита своимъ сторожемъ Джіованни, который имѣетъ цѣлыхъ три медали за спасеніе поѣздовъ отъ несчастій и столкновеній.

Но не думайте, синьоръ, что Джіованни знаменитъ только своими подвигами человѣколюбія; нѣтъ, синьоръ, онъ знаменитъ тѣмъ, что онъ добрый итальянскій патріотъ. и однажды самъ поймалъ шпіона преступника, который готовился взорвать мостъ пироксилиновой шашкой.

Такъ вотъ, этотъ Джіованни поймалъ шпіона, натурально нѣмца, и разсудилъ самъ съ собой такъ:

— Если я отведу этого молодца по начальству, то, конечно, мнѣ дадутъ четвертую медаль, но этого голубчика сошлютъ только на каторгу, съ которой люди, все-таки, убѣгають. И, кромѣ того, я буду лишенъ возможности знать что-либо о преступникѣ.—Такъ онъ подумалъ, синьоръ, и рѣшилъ самъ судить преступника и самъ при-

вести въ исполненіе надъ нимъ смертный приговоръ. Потому что, видите ли, Джіованни былъ убѣжденъ, что онъ вынесетъ этому молодчику смертный приговоръ.

Дѣло было такъ: Джіованни обходилъ свой участокъ вмѣстѣ со своей собакой Покко. Покко, видите ли, тоже состоитъ на желѣзнодорожной службѣ и обязанность его заключается въ томъ, чтобы обнюхивать кусты, ямы, лазать подъ мостъ, однимъ словомъ, обшаривать всѣ уголки тамъ, куда Джіованни, а онъ здоровенный малый, пролѣзть трудно и невозможно.

Джіованни и Покко дополняютъ одинъ другого. У Джіованни здоровыя руки, которыя могутъ свернуть шею быку, и хорошо работаетъ чердакъ, у Покко четыре крѣпкихъ лапы и острое чутье настоящаго охотничьяго пса. Такъ вотъ, Покко и Джіованни шли по полотну и добрались до желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку, по которому какъ разъ шло въ эти дни много поѣздовъ къ границѣ Австріи.

Война у насъ не объявлена еще, синьоръ, но Италія должна быть готова ко всякимъ случайностямъ, и потому на границу пересылали много войска. Вдругъ Покко заворчалъ и бросился подъ мостъ.

— Эге,—сказалъ самъ себѣ Джіованни,—разъ Покко рычитъ, то это неспроста. Вѣдь Покко, синьоръ, не дипломатъ, и никогда не обманывалъ своего хозяина.

Джіованни остановился и заглянулъ подъ мостъ, и что же онъ увидѣлъ тамъ? Покко, схвативъ какого-то человѣка за полу его одежды, яростно трясъ головой, а задержанный имъ человѣкъ тщетно пытался пырнуть Покко ножомъ. Увидѣвъ своего друга въ опасности, Джіованни не колебался ни секунды, а быстро нырнулъ подъ мостъ и сгрѣбъ неизвѣстнаго человѣка, скрутивъ ему обѣ руки за спиной своимъ поясомъ.

— Ну-ка, отвѣтъ мнѣ, почтенный, что ты здѣсь дѣлалъ,—спросилъ онъ у пойманнаго, который лежалъ на землѣ и смотрѣлъ на Джіованни съ такой злобой, съ какой смо-

трить только пойманный и затравленный звѣрь. Въ такомъ взглядѣ, синьоръ, и страхъ, и ненависть, и надежда, и еще что, то, но очень скверное, что только можетъ озлобить человѣка.

— Кто ты?—снова крикнулъ Джіованни, такъ какъ пойманный молчалъ.

Но въ это время снова залаялъ Покко, ткнувшійся носомъ въ уголь моста у желѣзной балки, да и самъ Джіованни замѣтилъ, что тамъ, въ этомъ углу, дѣло не ладно: оттуда плыла легкая струйка синеватаго дыма, очень прозрачнаго, синьоръ, и похожего на дымъ отъ легкой папиросы.

Но только это была не папироса, синьоръ, и Джіованни сразу понялъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Сваливъ поднявшагося было въ сидячемъ положеніи преступника на землю ударомъ кулака, Джіованни бросился къ этому дымку и обнаружилъ тлѣющій фитиль, который велъ къ заложенной подъ балкой пироксилиновой шашкѣ. Еще бы немного, синьоръ, и отъ Джіованни съ Покко осталось бы только мокрое мѣсто, но и отъ моста остались бы только одни обломки.

Джіованни тотчасъ же обрѣзалъ фитиль и вытащилъ шашку.

— Ага, почтенный,—обратился онъ къ лежащему на землѣ преступнику,—такъ вотъ чѣмъ ты промышляешь? Ладно, тебѣ достанется за это на орѣхи.

А нужно вамъ сказать, синьоръ, что у Джіованни такая рожа, что всякій можетъ, глядя на него, ошибиться и принять его за простака. Предобродушная, синьоръ, рожа, и вѣчно улыбающаяся, какъ будто на свѣтѣ нѣтъ счастливіе человѣка, чѣмъ онъ.

Такое же впечатлѣніе, должно быть, произвелъ Джіованни и на преступника, и у того мелькнула надежда на спасеніе.

Человѣкъ, даже находящійся при смерти, синьоръ, все-таки не теряетъ никогда надежды надуть другого и спасти свою собственную шкуру.

Казь піфона (къ разказу).

Конечно, я говорю только о такихъ людяхъ, синьоръ, которые не особенно перегружены въ своей душѣ тѣмъ, что люди называютъ моралью.

Такъ вотъ, преступникъ повелѣлъ къ Джіованни такую рѣчь:

— Послушай, — сказалъ онъ, что будетъ для тебя пользы, если ты поведешь меня къ жандармамъ? Лучше отпусти меня, а я дамъ тебѣ двѣсти лиръ.

— Двѣсти лиръ?—захохоталъ съ самымъ невиннымъ и счастливымъ видомъ Джіованни,—да, это недурная сумма, особенно для такого бѣдняка, какъ я.

— Я дамъ тебѣ даже триста лиръ!—съ окрѣпшей надеждой въ голосъ проговорилъ неизвѣстный.

— Право, ты очень щедръ,—отвѣтилъ Джіованни.— Съ моей собакой ты хотѣлъ поступить совсѣмъ иначе, чѣмъ со мной, правда ей ненужны твои лиры.

— Четыреста лиръ!—продолжалъ тотъ.

— Право, ты, должно быть, очень богатый человѣкъ, или тебѣ хорошо платятъ за твое ремесло,—сказалъ Джіованни, ухмыляясь,—скажи мнѣ, пожалуйста, кто ты такой, и какъ называются твои господа?

— Мои господа далеко отсюда, —отвѣтилъ тотъ,— а самъ я итальянецъ, твой же братъ. Я хотѣлъ взорвать мостъ, чтобы отомстить одному человѣку, который ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ. Онъ убилъ у меня отца, и я мщу ему.

— Тс... тс... скажи, пожалуйста,—покачалъ головой Джіованни,—зачѣмъ же ты хотѣлъ погубить вмѣстѣ съ твоимъ недругомъ еще сотню другую совершенно неповинныхъ людей? Потомъ, ты, дружище, не похожъ на итальянца: по твоему выговору, я думаю, что ты австріецъ!

— Да, я родомъ изъ Триеста,—воскликнулъ тотъ,— но моя мать была чистокровная итальянка.

— Которая, должно быть, мало била тебя въ дѣтствѣ,—замѣтилъ Джіованни,—что изъ тебя вышелъ такой прохвостъ. Однако, гдѣ же твои лиры?

— У меня, въ боковомъ карманѣ, въ бумажникѣ,—

отвѣтилъ тотъ, снова вспыхнувъ надеждой.—Тамъ пять-сотъ лиръ, возьми себѣ, пожалуйста, четыреста, а сто оставь мнѣ на дорогу. Нужно же мнѣ добраться на родину...

— Ну, дорога обойдется тебѣ дешевле,—замѣтилъ Джіованни, обыскивая плѣнника и вытащивъ бумажникъ. Въ это время, синьоръ, онъ рѣшилъ уже, что будетъ съ нимъ дѣлать, потому и сказалъ такую фразу.

Не давъ себѣ труда пересчитать деньги, онъ положилъ бумажникъ въ свой карманъ и толкнулъ плѣнника:

— Ну-ка, почтенный, пойдемъ-ка,—сказалъ онъ ему, улыбаясь своей широкой и добродушной улыбкой.

— Развяжи же мнѣ руки,—взмолился тотъ.—Вѣдь ты взялъ мои деньги, и это нечестно съ твоей стороны.

— Руки тебѣ будутъ развязаны,—отвѣтилъ Джіованни,—даю тебѣ въ этомъ честное слово. Повремени немного.

Онъ взялъ пироксилиновую шашку, потушенный шнуръ, и, слегка подталкивая въ спину плѣнника, вывелъ его изъ-подъ моста и заставилъ взобраться на желѣзнодорожное полотно.

— Здѣсь, по полотну, короче дорога до моей будки,—сказалъ онъ плѣннику,—и потому я выбираю эту дорогу.

Плѣнникъ молчалъ, что ему было дѣлать? Но добродушная улыбка Джіованни будила въ немъ все больше и больше надежду.

— Закуримъ папиросы?—предложилъ онъ.—У меня есть очень хорошія, прямо изъ Вѣны...

— Закуримъ,—согласился Джіованни.

Онъ вынулъ у плѣнника портсигаръ, закурилъ самъ и далъ закурить плѣннику, для чего оба они остановились на полотнѣ, и въ это время вдаль, синьоръ, показался быстро мчавшійся военный поѣздъ.

Плѣнникъ сдѣлалъ движеніе, чтобы сойти съ рельсъ, но Джіованни грубо схватилъ его за плечо:

— Куда?—крикнулъ онъ.

— Но вѣдь идетъ поѣздъ,—забормоталъ тотъ.—Опасно оставаться на рельсахъ...

— Да, ты думаешь?—отвѣтилъ Джіованни.—Но это несравненно менѣе опасно, чѣмъ если бы я оставилъ тебя на свободѣ подъ мостомъ. Ну, докуривай, скорѣе свою папиросу, намъ некогда!

— Что ты хочешь со мной дѣлать?—спросилъ плѣнникъ, выплюнувъ папиросу вмѣстѣ съ послѣднимъ глоткомъ дыма и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

Въ эту минуту, синьоръ, инстинктъ самосохраненія подсказалъ ему, что жизнь его въ опасности.

— Вотъ ты это сейчасъ увидишь,—отвѣтилъ ему Джіованни, сгребая его за шиворотъ и наклоня головой къ рельсамъ.

Страхъ смерти, синьоръ, дѣлаетъ чудеса, и плѣнникъ, понявъ, наконецъ, что хочетъ дѣлать съ нимъ Джіованни, обнаружилъ поистинѣ нечеловѣческую силу, пытаясь вырваться изъ жесткихъ и мускулистыхъ рукъ своего судьи и палача. Но у него были связаны руки, и поэтому борьба была неравна. Джіованни таки положилъ его поперекъ рельсъ и держалъ его за плечи, а Покко присутствовалъ при этомъ въ качествѣ официального свидѣтеля совершенія правосудія.

И даже, синьоръ, вилялъ хвостомъ въ знакъ своего полного сочувствія хозяину.

Впрочемъ, виновать, былъ еще одинъ свидѣтель всего происходившаго, именно машинистъ, выглянувшій въ это время изъ окна своей будки и дававшій тревожные предупредительные свистки.

Но здѣсь, къ мосту уклонъ, синьоръ, и машинистъ былъ безсиленъ остановить поѣздъ.

Машинистъ, конечно, не понималъ, въ чемъ тутъ дѣло, и какъ передавалъ потомъ, совершенно обезумѣлъ отъ страха.

Джіованни, синьоръ, отскочилъ отъ своего плѣнника какъ разъ въ тотъ моментъ, когда локомотивъ былъ отъ

него всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и въ ту же секунду переднія колеса локомотива какъ ножи гильотины вѣзались въ конвульсивно приподнявшееся въ послѣдней попыткѣ къ спасенію человѣческое тѣло, и разрѣзали его на три части.

Я самъ видѣлъ, синьоръ, потомъ на этомъ мѣстѣ огромное кровавое пятно, которое впиталось въ песокъ, какъ чернила въ пропускную бумагу.

Что, синьоръ, вы поблѣднѣли и отворачиваетесь? Но какъ же прикажете поступать съ нѣмецкими шпіонами? Вы подумайте, сколько жертвъ было бы, если бы Джіованни не поймалъ этого мерзавца съ поличнымъ?

Джіованни представилъ, конечно, судьямъ и пироксилиновую шашку, и деньги, которыя онъ конфисковалъ у шпіона, и его, представьте себѣ, синьоръ, судили въ коронномъ судѣ, и онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, хотя вся наша община была за него и даже пыталась устроить передъ зданіемъ суда демонстрацію! Но присяжные оправдали Джіованни, и не могли поступить иначе, синьоръ, а когда Джіованни вернулся, ему устроили торжественную встрѣчу.

Такъ вотъ, чѣмъ, синьоръ, замѣчательна эта станція, на которую, надо думать, не придутъ уже теперь нѣмецкіе шпіоны.

А кстати, синьоръ, не знаете ли вы, какъ въ столицѣ говорить о войнѣ съ Австріей? Будетъ ли она или не будетъ?

Перевелъ *К. Минаевъ*.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Паденіе Антверпена	3
Война 1914 года	5
Стратегическое колесо и колесо истории.	35
«Дейтшландъ Юберъ Аллесь».	41
«Машина и война»:	43
Какъ питается наша армія	49
Народоубійцы.	51
Нѣмцы и Турція	61
Вооруженныя силы Турціи.	71
Вильгельмъ въ плѣну	75
Внимая ужасамъ войны	83
Нѣмецъ въ морѣ.	87
Сонъ	97
Казнь шпіона.	106

во что ставящей жизнь народовъ, которые она считаетъ подстилкой для своихъ грязныхъ ногъ.

Да будутъ же прокляты эти германскія стремленія, и да положить имъ предѣлъ война за право, честь и свободу.

Эдвардъ Бокъ.

Какъ ѣздить въ Эрзерумъ.